

И

ВЕСТНИК

СТИНЫ

1
1983

Общий вид Гефсиманского сада

Духовно-назидательный журнал Союза церквей евангельских христиан-баптистов

Благодать и истина
произошли чрез
Иисуса Христа.
Иоан. 1, 17

Вседержитель!

мы не постигаем Его.

Он велик силою,

судом

и полнотою правосудия...

Посему да благоговеют

пред Ним люди,

и да трепещут пред Ним

все мудрые сердцем!

Книга Иова 37, 23—24

**ВЕСТНИК
ИСТИНЫ**

Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов

■
Издается
с 1963 года

■
Выходит
ежеквартально

1 (81) . 1983

СОДЕРЖАНИЕ

Хранить верность.....2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Ищите Царства Небесного 5
О вечере Господней 8
Вы и моим узам сострадали.....11
Жертва за грех..... 15
Говорит Суший..... 21
Затерявшееся племя 22

МОЛИТЕСЬ О НИХ 24

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

«Пишу вам, дети...». 27

СТРАНИЧКА УЗНИКА

Свидетельство о Господе — наша защита... 34

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Духовное пробуждение в России 37

СТИХИ

«Из застенков тюрьмы на свободу» 40
«Музыка! Зачем в сиянье дня»..... 40
Отступившему брату 40

На 3 стр. обл.

Не зря.....
Призыв.....

Хранить верность

Дорогие братья и сестры! Приветствуем вас всех любовью Иисуса Христа!

Нами получено из заключения от наших дорогих братьев служителей Совета церквей и других соратников Евангелия обращение, адресованное всему братству и в первую очередь к тем братьям и сестрам, которые были участниками майской делегации в Москве в 1966 году, насчитывавшей свыше четырехсот представителей церквей евангельских христиан-баптистов.

С какой сердечной благодарностью Богу восприняли мы это послание, видя, как Дух Божий укрепляет и руководит служителями Своими, находящимися в тяжелых испытаниях, побеждая их обращаться к народу Господнему с при-

зывом хранить ряды церкви от угрозы соединения с миром, откуда бы она ни исходила — от антиевангельской регистрации или от каких-либо внутрицерковных группировок!

В защите дела свободы проповеди Евангелия эти братья не были сторонними наблюдателями нападков на церковь, но на протяжении десятилетий защищали ее права как в письменных ходатайствах, так и непосредственно перед лицом Президиума Верховного Совета, и, наконец, будучи участниками многочисленной делегации верующих ЕХБ в Москве.

Мы приводим обращение служителей-узников полностью и просим воспринять их призыв с молитвой, сердечным участием и послушанием воле Божьей (Рим. 12, 1—2).

ОБРАЩЕНИЕ

КО ВСЕМ УЧАСТНИКАМ МАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ 1966 г., КО ВСЕМ ДЕТЯМ БОЖЬИМ ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОГО БРАТСТВА

Стойте в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую. Фил. 1, 27

Дорогие братья и сестры, участники в небесном призвании к духовной свободе, которую даровал нам Христос!

16 мая с. г. исполняется 15 лет с того памятного дня, когда по призыву бывших узников ЕХБ и по побуждению Духа Святого мы съехались с вами со всех концов страны в Москву для участия в ходатайствах перед Правительством.

В делегации, ходатайствовавшей о приеме в ЦК КПСС, к концу дня 16 мая 1966 года насчитывалось около 430 братьев и сестер, посланцев гонимых церквей ЕХБ Сибири, Средней Азии, Урала, Поволжья, Кавказа, Центра России, Белоруссии, Украины и Молдавии. По свидетельству

«Братский листок» №1, 1981 г.

прокуратуры г. Москвы делегация могла бы насчитывать более полутора тысяч человек, если бы многим верующим органы власти не воспрепятствовали поехать в Москву путем отъезда из отпусков, снятия с поездов. И у каждого из нас было что сказать руководителям государства — Л. И. Брежневу, Н. В. Подгорному и Н. А. Косыгину, к которым мы обратились с заявлением о приеме делегации.

У каждого из нас, членов майской делегации 1966 г., были тогда личные свидетельства, документы, фотографии и другие материалы о повсеместных гонениях на верующих ЕХБ, о гонениях на служителей церквей на местах и на духовный центр нашего братства — Совет церквей ЕХБ: разгоны богослужебных собраний с избиением верующих

и погромами в домах; отнятие и разрушение молитвенных домов, штрафы, увольнения с работ и исключения из учебных заведений, судебные преследования и ссылки, притеснения детей верующих родителей в школах и т. п. Десятки братьев ЕХБ находилось в то время в узах за исповедание веры в Иисуса Христа и Его Евангелие.

Все эти гонения были в вопиющем противоречии с официальными заявлениями о свободе совести, о равноправии верующих граждан со всеми людьми, о поддержке Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН еще в 1948 году. К тому же верующие граждане ЕХБ никогда не допускали и по своей сущности не могут допускать антиобщественных поступков, а являются честными тружениками и примерными в общежитии. Бессмысленность гонений на верующих ЕХБ очевидна для всякого непредубежденного честного человека доброй воли.

Об этом мы и намеревались говорить с высокопоставленными руководителями государства с тем, чтобы достичь урегулирования наболевших вопросов. Но в приеме нам было отказано. Вместо приема было учинено массовое избиение делегации сотрудниками КГБ и милиции, вся делегация была арестована и помещена для фильтрации в Лефортовскую тюрьму... Словом, круг замкнулся: то, что совершалось на местах, было учинено над нами и в столице. После избиения участников делегации и помещения в тюрьму большинство из нас были осуждены к 3-м годам лишения свободы, многие к 15-ти суткам, остальные — к штрафам.

Была приведена в действие новая статья Уголовного кодекса «О нарушении законодательства о культах». В результате был брошен за решетку и колючую проволоку почти весь состав служителей Совета церквей, многие служители поместных церквей, а также многие рядовые члены церквей ЕХБ.

События последующих лет со всей ясностью показали нам, а точнее, Бог открыл наши глаза на тот очевидный факт, что пока существует «Законодательство о ре-

лигиозных культах» вмешательство в дела церкви со стороны атеистов и все виды дискриминации по отношению к верующим гражданам в нашей стране не прекратятся. Именно это «Законодательство» 1929 года, несколько подновленное в 1975 г., имеет своей целью борьбу с религией, уничтожение принципа независимости церкви и лишение религиозных обществ основных конституционных прав и свобод.

Репрессии и физическое уничтожение служителей церквей и проповедников в 30—40 годах опирались на Уголовный кодекс 1926 г. Однако исторический факт состоит в том, что массовые репрессии начались именно с 1929 года, когда вышло упомянутое Постановление СНК (апрель 1929 г.). Вопль душ, убиенных за Слово Божье и за свидетельство Иисуса Христа — наших дедов, отцов, братьев и сестер, дошел до престола Божьего (Откр. 6, 9—11). Этот вопль не должен быть чуждым для всех верных детей Божьих, как не должны быть чужды слезы и стенания нынешних семей узников нашего дорогого братства.

Ранее многие из нас, будучи на свободе, долгие годы находились в зарегистрированных общинах ВСЕХБ, не ведая, что эта регистрация проведена на основе «Законодательства о религиозных культах» и связана с обязательным его соблюдением, что на деле означает измену Богу и Слову Его. Господь же говорит: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Ис. 1, 15—19). Поэтому все верные дети Божьи, все служители церквей ЕХБ, включая и общины ВСЕХБ, должны освободиться от всякой зависимости, связанной с «Законодательством о культах», ибо такова воля Господа. И будем единодушно взывать к Нему в молитвах и постах наших, а Он защитит вопиющих к Нему день и ночь (Лук. 18, 1—8).

Братья и сестры! Мы не против законов вообще, равных для всех граждан, ибо иначе нам надлежало бы выйти из этого мира, но против законов, вторгающихся

в жизнь церкви. Совет церквей, Совет родственников узников, братские объединения церквей и отдельные церкви ЕХБ в своих многочисленных заявлениях вот уже в течение 20-ти лет ходатайствуют об осуществлении на деле права на свободу совести, права на независимость церкви от государства, об осуществлении прав человека. Будем же последовательны и верны в наших ходатайствах как перед Богом, так и перед органами власти.

Заявления СЦ ЕХБ, направленные в Конституционную комиссию в 1964—1977 г. г., содержат основные положения, которые необходимо учесть в отношении верующих граждан.

В настоящее время, как и 15 лет назад, репрессии снова усилились. Снова в узак находится почти весь состав Совета церквей, многие сотрудники издательства «Христианин» и экспедиции по развозке духовной литературы, многие служители поместных церквей; преследуется Совет родственников узников и многие церкви испытывают непрекращающиеся гонения. В дополнение к этому мы должны с сожалением засвидетельствовать, что тяжесть наших уз увеличивают наши же братья, притворно проповедующие Христа под прикрытием несправедливого «Законодательства о культах». Тем самым они еще больше открывают возможность для гонений и, таким образом, духовное сражение предстоит нам с двух сторон: спереди и сзади (2 Цар. 10, 9—12).

Притворному служению в зарегистрированных общинах и притворной проповеди многих братьев можно было бы радоваться, как в свое время радовался Ап. Павел, если бы принятое ими «Законодательство о культах» не имело своей целью духовное низложение Церкви Христовой. Ведь почему Апостол Павел радовался, что некоторые «братья» в его время притворно проповедовали Христа? Дело в том, что они проповедовали не веровавшим в Него. А в наши дни лжебратья проповедуют среди верующих, чтобы увлечь их по пути отступления от заповедей Христа. В этом большое раз-

личие между лжебратьями 1-го века и нынешними (и большая опасность от них!), ибо первые притворно созидали, а нынешние — распинают тело Христово — Его Церковь. Поэтому к ним можно обратиться лишь со словами: «Савл! Савл! что ты гонишь Меня?».

Законодатели, правители страны и судьи, прекратите гонения на невинных христиан! А вы, братья, испугавшиеся гонений и избравшие более легкий путь под защитой несправедливого законодательства о культах,— перестаньте помогать нашим гонителям! Ибо Господу известны все деяния человеков. Он — Судья праведный. Который взыщет всю кровь праведную, пролитую на земле со времен Авеля и до нашего последнего времени.

Мы же все, дорогие друзья, обратимся к Богу с молитвой: «Господи! Не в Твоей ли силе помочь сильному или бессильному? Помоги же нам, Господи, Боже наш; ибо мы на Тебя уповаем, и во имя Твое вышли мы против множества сего. Господи! Ты Бог наш: да не превозможет Тебя человек» (2 Пар. 14, 11).

Уповавая на Господа, мы верим и слову Его, которое Он сказал через пророка Исаию: «Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно... Это есть наследие рабов Господа, оправдание их от Меня, говорит Господь» (Ис. 54, 17). В том числе и современное орудие гонений — «Законодательство о культах», сделанное против христиан, не будет успешно. Бог защитит нас!

Как прискорбно при этом сознавать, что некоторые братья и сестры, участники майской делегации 1966 г., не устояли в духовной борьбе и уклонились с прямых путей Господних. Не случайно поем мы: «...братья падают родные, страх уж всех берет». Но мы слышим голос Вождя спасения нашего Иисуса Христа: «Крепость Мою не сдавайте, скоро Я приду!»

Итак, приготовим себя, все верные Господу, чтобы, исполненные Духом Святым, уже сейчас мы могли с радостью сказать: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Аминь.

ИЩИТЕ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО

*Ищите же прежде Царства Божия и правды Его... Мтф. 6, 33
И исполнились все Духа Святого... Д. Ап. 2, 4*

Вот главное в жизни любого христианина и христианки, пока мы живем на земле: каждый день и каждую ночь, на всяком месте, в любых обстоятельствах — искать Царства Божьего и исполняться Духом Святым! И не иначе, и непременно!

Приходят на память слова Иисуса: «...не придет Царствие Божие приметным образом...», и еще: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17, 20—21). По-разному толкуют эти места Священного Писания. Но главное не в толкованиях высокоумных, а в практическом претворении Слова Божьего в жизни.

Мы поем: «Ныне Он Духом Своим поселяется в наших счастливых сердцах...» Действительно ли это так в жизни моей и твоей, или только в песне поется, а в жизни все по-другому?

Таких, пронзающих душу, слов можно сегодня привести очень много. «Где Иисус, там радостью все дышит, там, где Иисус, смолкает гнет забот, уходит ночь, приходит сила свыше. Там жизнь, там мир, куда Иисус войдет...»

Но самое-то главное заключается не в словах, не в песнях, не в желаниях, не в счастье данном, а во Христе, в Духе Его, в Царстве Божьем!

Читая и слушая, войдем всем существом во свет Его и посмотрим: действительно ли в нас есть Царство Божье и правда Его и водимы ли мы Духом Святым как возлюбленные Его? Исполняемся ли Им многократно для служения, для защиты благовествования, для изблечения всякого беззаконника, для постоянной мольбы за дорогое братство, за погибающий мир? А кто при Его свете обнаружил в себе отсутствие признаков пребывания Царства Божьего и Духа Святого, то чувствовал ли это? Есть ли в нас искание Царства Божьего прежде всего? Есть ли томление, жажда, мольба о нем, как в первоапостольской церкви? Что в эти минуты стоит на первом месте, что является самым главным в каждой душе, в каждой семье, в каждой общине? На что тратятся время и силы, способности и средства, здоровье и все, все?

Если в нас есть Царство Божье

с правдой Его и Дух Святой с силой Его, они не могут оставаться скрытыми от взоров людских, их удерживать невозможно. Иисус сказал: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой...», и еще: «а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоан. 7, 38; 4, 14).

Значит, нет предела распространению Царства Божьего и правды Его и Силы Святого Духа через меня, тебя и каждого. Ап. Павел свидетельствует в послании Римлянам, что Царство Божье это не пища и питье, но ПРАВЕДНОСТЬ, и МИР, и РАДОСТЬ во Святом Духе (Рим. 14, 17), Так вот: праведность, мир, радость, любовь, святость, снисхождение, милосердие, мужество, жертвенность, дерзновение, нежность, послушание, внимание и многое другое изливается на нашу семью, соседей, сотрудников, сослуживцев, попутчиков, союзников, общину, друзей, врагов и даже до края земли. Происходит ли сегодня подобное с нами?

На днях от одной милой души я получил такое сердечное сокрушение: «Мы забыли о том, что наше жительство на небесах, и стали жить так, как будто постоянно будем жить на земле. И не ожидаем и не желаем того небесного жительства, а это выражается во многом. Молодожены почти все, даже если есть возможность и место жить с родителями,— покупают дома. Влезает в долги. И машин уже стало порядком... Хоть "Запо-

рожец", но все равно берут, занимают деньги. А с долгами рассчитываться надо. И тогда поднимают хозяйство, едут на заработки. Работают день и ночь, а искание Небесного Царства оставляется, собрания редуют, особенно на неделе. Благословение теряется, а дух томится».

Может, это только в одной церкви происходит? Может, в других местах нет гнета забот житейских, погони за шикарными домами, обстановкой «люкс», одеждой на зависть другим, машинами не «Запорожец», а «Волгами», «Ладами» и т. д.? Все, гоняющиеся за этим, непременно впадают в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти; уклоняются от веры, ссорятся. Отсюда приходят разногласия, страх плотской, своеволие, предательство, разделение, бедствие и пагуба.

О, если бы они затревожились, пробудились, затосковали, в ком жизнь духовная едва теплится и, может, маленькая последняя искра готова погаснуть; о, если бы осмотрелись, вспомнили откуда и когда упали и где началось духовное бессилие, ослабление; как потерялась первая любовь, почему главное осталось вдали, а второстепенное, плотское заполнило всю жизнь!

Мы поем: «Раем пустыня глядит, когда я в союзе с Христом...» Но это для тех, кто осуществляет Царство Божье в жизни своей, исполняется Духом и силой Его для свидетельства погибающим, для сохранения единства и единоклассия.

О, как блаженны те, которых не влекут богатства мира сего, но из

которых могучим и глубоким потоком течет Царство Божье и правда Его! В нас должен пылать огонь Великого Духа, избличающего и сожигающего даже всякий греховный помысел. Тогда все новые и новые души, умиляясь, будут вопрошать: «Что нам делать, чтобы спастись?». И будут каяться и креститься, и получат дар Святого Духа, и присоединятся к Церкви, дополняя одно сердце и один дух. И великая благодать будет на всех нас: будет благодать на благодать.

Возлюбленные, если бы вы могли взглянуть в сердце мое в эти минуты, когда я пишу эти слова! Как оно не только наполняется радостью, что от дней Апостольских Христос, Дух Святой, Слово Его остались неизменными, но и вопиет, взывает, сокрушается о личной духовной скудости и о многих, многих из вас. Я знаю, что такое состояние не только в одной общине.

Скажем дьявольским злорадством отмечают враги Царства Божьего любой момент нашего ослабления! Когда не удается напугать нас извне и рассеять львиным рыком гонений и терзаний, с какой змеиной хитростью стараются разорить нас изнутри! Сколько обольщений и уловлений душам малых детей Божьих исходит от людей, принимающих вид служителей правды! Господи, Господи! А мир вокруг погибает!

Всегда с благодарностью Богу буду вспоминать годы в узах, прожитые среди людей неистово развратных, хотя и на воле среди них тоже жить приходится. Но там каждый отделен от другого свободой пространства, личной квартирой,

забором и чем угодно. А здесь приходится находиться в самой гуще. До какой же ужасной бездны доводит жизнь в неверии, без Бога на свете! Как блаженны я и вы, что по великой милости святого Бога открылся нам путь и доступ к Царству Божьему, к правде Его и к Духу Святому!

О помощи же нам, Господи, не потерять самого главного, не променять его на второстепенное, проходящее, временное! И если нет полноты проявления Духа Святого,— значит нет истинного искания, нет полной отдачи, как не было сначала у учеников, когда они говорили Господу: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобой; что же будет нам?» (Мтф. 19, 27).

И если нет огня Духа любви (а не боязни), силы и целомудрия,— значит нет подлинного единоклассного послушания, соединения в молитвенном ожидании, что подчеркнуто в Слове: «При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единоклассно вместе... и исполнились все Духа Святого...» (Д. Ап. 2: 1, 4).

Апостол Павел однажды говорил: «...имея тот же дух веры... мы веруем, потому и говорим... (2 Кор. 4, 13). Дерзаю и я, имея тот же Дух веры, не только веровать, но и говорить сегодня так. Да вознесется наш единоклассный вопль к престолу Святого, да изольется обилие дождя позднего на нас и на семьи наши, на церкви и на все братство и да придет Царство Его в силе! Аминь.

Я. Г. СКОРНЯКОВ

О ВЕЧЕРЕ ГОСПОДНЕЙ

Да испытывает же себя человек, а таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. 1 Кор. 11, 28

Вечеря Господня — это самая святая заповедь, и участвовать в ней недостойно — значит уничтожать Господа и становиться виновным против Тела и Крови Господней (1 Кор. 11, 27).

Единственное средство нашего оправдания и спасения — это жертва Христа, Его ломимое Тело на Голгофе и пролитая Кровь, которая очищает от всякого греха (1 Иоан. 1, 9). Кто становится виновным против Тела и Крови Господней, для того уже нет никаких других средств для оправдания и прощения (Евр. 10, 26).

«Да испытывает же себя человек...» (1 Кор. 11, 28). Некоторые дети Божьи понимают, что испытывать нужно только свое сердце. Но если мы видим, что нечистый приобщается к святине Господней, и остаемся спокойными, то понесем за это ответственность. Необходимо постоянно заботиться, чтобы самим не осквернить святину, и в то же время бодрствовать, чтобы этого не сделали другие братья и сестры. Ибо, где появляется грех, там нет Христа, нет Его ломимого Тела и пролитой Крови, а остается хлеб и вино, вкушать которые уже не значит приобщаться смерти и страданий Христовых и Его пролитой Крови.

Пророк Аггей пишет: «Если бы кто нес освященное мясо в поле одежды своей и полою своею коснулся хлеба, или чего-либо вареного, или вина, или елея, или какой-нибудь пищи,— сделается ли это священным? И отвечали священники и сказали: нет... а если прикоснется

ко всему этому кто-либо осквернившийся от прикосновения к мертвецу,— сделается ли это нечистым? И отвечали священники и сказали: будет нечистым» (Агг. 2, 12—13).

Действие нечистоты, греха — всегда оскверняющее, как и сказано; «...малая закваска квасит все тесто...» (1 Кор. 5, 6). Ведь не может же ложка дегтя исчезнуть в бочке с медом, как исчезает тьма, когда загорается свет! Но ложка дегтя испортит целую бочку меда!

Однажды я читал, как охотник, любясь красавцем оленем, заметил, что олень вдруг заметался, яростно замотал головой, немного пробежал и рухнул на землю, словно сраженный пулей. Когда охотник подошел к нему, то увидел, что из уха оленя выскочила маленькая ласка. Коварный зверек, пробравшись в ухо оленя, загубил такого красавца!

Так же коварно и неожиданно грех сражает людей. Грех — это страшное чудовище, уничтожающее на своем пути все доброе, чистое и святое. О, если бы все дети Божьи поняли, что даже самый малый, на первый взгляд, совсем безобидный грех, умерщвляет не только малых, но даже некогда великих и прославленных мужей. Некогда помазанный херувим (Иез. 28, 14) — ныне стал дьяволом и сатаной (Откр. 12, 9) и увлек за собой с неба третья часть ангелов. Один грех Евы сколько страданий принес людям!

Грех рождает смерть. Он уничтожает венец Божьего творения — че-

ловека. Грех разобщил человека с его Создателем — Богом. Но и после падения человека Господь продолжает любить его. Но если человек сознательно грешит, Господь вынужден прервать с ним общение, потому что Бог ненавидит грех. Поэтому, если человек хотя бы с малым грехом протягивает руку к ломимому Телу и Крови Христовой и участвует в святой заповеди Божьей,— это страшное состояние. Такой человек становится виновным против Самого Бога, против Тела и Крови Сына Его и делает это в осуждение себе. Христос сказал: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лук. 12, 47).

Если Священное Писание предупреждает, что уже тот грешит, «кто разумеет делать добро и не делает» (Иак. 4, 17), тем более, грешит тот, кто ест и пьет недостойно, ибо он ест и пьет в осуждение себе, то есть сам себе выносит приговор, сам себя осуждает. Вот почему многие немощны, больны и немало умирают.

Как человек приходит к такому страшному состоянию? Сначала появляется небольшой грех, признаться в котором стыдно. Приближается Вечеря Господня. В общинах гонимого братства после Вечери оставляют для беседы неучаствовавших. И вот, чтобы не навлечь на себя подозрения и избежать расспросов, христиане участвуют в Вечере, хотя и не ощущая полной свободы. Был один грех, а после Вечери прибавился другой. Совесть осуждает таких, они становятся пассивными и безразличными, наступает духовная немощь.

Не приходится удивляться, что после такого отношения ко греху и к Вечере Господней встречаются люди, на сердцах которых лежит какой-то греховный налет. Многие из них родились и выросли в христианских семьях, с детства знают Священное Писание, умеют хорошо играть

и петь, любят молодежные общения, браки, но с большой неохотой посещают молитвенные собрания и не желают проповедовать. Что за причина? Многие из них и в мир не ушли, но и гореть не горят. А все началось с того, что участвовали в Вечере Господней в неполной свободе сначала один раз, затем другой. Духовное состояние от этого не улучшается, а наоборот, ухудшается.

Некоторые думают, что Вечеря Господня хотя немного, но все же очищает от греха, но это не так. Кровь Христа очищает от всякого греха, когда душа раскаивается пред Господом и исповедует свой грех, и эта же Кровь осуждает участвующего в Вечере, если он в грехе.

Вечеря Господня — не Голгофа, чтобы прощать грешника, вернее, согрешившего христианина. На Вечерю приходят прощенные, облеченные в белые одежды, т. е. в чистый и светлый виссон. Приходят как во святое-святых, чтобы приобщиться, присоединиться, даже слиться во едино с жертвой Христа, стать частью Его ломимого Тела и пролитой Крови (1 Кор. 10, 17). Как же можно с грехом приблизиться к Богу?! Как соединиться с Ним, имея грех?! Этого никогда не произойдет!

Итак, приняв недостойно участие в Вечере Господней один раз, христианин будет участвовать и в другой раз, прибавляя грех ко греху, и каждый раз он будет становиться духовно все слабее и слабее. После немощи появится болезнь, а больной и вовсе не может подойти к Голгофе, его нужно нести. Но признаться в этом уже совершенно нет сил. Так незаметно наступает и духовная смерть, и человек открыто идет в мир или с легкостью сближается с малодушными и отступниками.

Немощь, болезнь и смерть — 1 Кор. 11, 30 — я понимаю духовно (Быт. 2, 17), но не исключено, что Господь часто прерывает жизнь у тех,

которые отступили от Бога и через которых имя Божье хулится.

Итак, если мы знаем, что Вечеря Господня очень ответвенна и свята, то тем более знает об этом сатана. Поэтому склонить человека к тому, чтобы он утаил свои грехи, хоть и малые, а потом, будучи в грехе, участвовал в Вечере,— это излюбленный метод сатаны, посредством которого он очень преуспевает и губит многие души. О, как жаль молодежь! Большинство из них искренние, любящие Господа, но дьяволу удалось обмануть некоторых и склонить к нечистоте и обману.

Дьявол преподносит грех сначала как безобидное лакомство, а когда душа согрешит, тогда удерживает ее, чтобы не каялась. Потом убеждает, что все потеряно, что назад возврата нет, прощения нет и жизнь не нужна. И сколько душ находилось и сейчас находится на краю пропасти! Сколько нам приходилось плакать с таковыми и молиться, чтобы Господь помиловал их! Те души, которые открывали грех не смущаясь, получали свободу и мир духовный.

Сатана искушает верующих иногда просто ни на чем. Явного греха, кроме обыденных житейских прегрешений,— нет, но и огня любви к Господу, каким хотелось бы гореть, тоже нет. И вот дьявол начинает смущать душу: нет, ты не достойна сейчас участвовать в Вечере Господней, оставь на другой раз и как следует приготовься. Но не участвовать без причины в Вечере — тоже грех, и это ничем иным не назовешь, как пренебрежением заповедью Господней. Духовное состояние христиан, поступающих так, ухудшается, они постепенно охлаждаются и падают.

Излагая свои мысли о Вечере Господней, я очень прошу Господа, чтобы Он Сам открыл детям Своим величие этой заповеди и нашу ответственность по отношению к ней. В хлебопреломлении должны участ-

вовать все дети Божьи, участвовать достойно, искренне, с чистым сердцем. Готовиться к Вечере нужно не месяцами и годами или же днями, но нужно к ней быть готовыми всегда! И сохрани нас Господь от греха — свести эту заповедь к обыкновенному обряду! Приобщение к Крови Господней и Его Телу нас вдохновляет, окрыляет, обновляет и восхищает.

В то же время эта заповедь напоминает нам цену нашего искупления: что мы искуплены от вечной гибели страданиями и смертью на кресте Спасителя нашего Иисуса Христа. Чем больше мы созерцаем Христа на кресте, тем больше укрепляемся Им душами нашими (Евр. 12, 3). Ведь наш Спаситель висел пригвожденным! Это значит, Он висел на ранах. Когда мы пораним руку или ногу, то стараемся рану хорошо забинтовать и оберегаем ее от ушибов, а если кто случайно заденет рану, то мы вскрикиваем от боли. Но попробуйте вогнать в рану гвоздь, да еще повесить все тело на кровотокающих ранах! Это непостижимо нашему разуму... А между тем, как часто мы своими грехами причиняем ужасную боль нашему Господу!

Чтобы страдания и смерть Спасителя не умалялись и не тускнели перед нашим духовным взором, я хотел бы всем нам пожелать почаще сравнивать свои страдания и болезни с ранами и страданиями Христа.

Да сохранит Господь всех детей Своих, чтобы никто из нас не был виновным против Тела и Крови Господней! Да пошлет Он всем Духа благоговения и умиления пред Его святыней! Да наполнит Он нас Духом Своим Святым, чтобы бласти себя в святости и чтить Его заповедь!

Д. В. МИНЯКОВ

ВЫ И МОИМ УЗАМ СОСТРАДАЛИ

О подвигах веры великих мужей Божьих мы часто и охотно говорим. Нам бесконечно дорого беспрекословное послушание Богу Авраама, послушание, которое не останавливается ни перед какой жертвой, когда этого хочет Бог (Евр. 11, 17).

Мы искренне желаем хотя отчасти подражать примеру жизни Моисея и, будучи просвещены Духом Святым, стремимся не уклоняться от жгучих терний узкого пути. Но даже имея по милости Божьей эту готовность, многие из нас, глядя на Авраама и Моисея, ясно и горько сознают, что еще так далеки от той славной вершины покорности, на которую взошли они беспредельно любя Бога.

Но на живых страницах Священного Писания есть еще так много прекрасных личностей, жизнь которых полна скрытого, но высокого подвига. О них очень мало сказано, кажется, только с той целью, чтобы мы сами разыскали их в глубокой тени и, отыскав, не переставали восхищаться неповторимым благоуханием их скромного благочестия. Они не были ни героями веры, ни вождями, чтобы нам нетрудно было подражать им и учиться у них смирению. И уже одно то, что они не были выдающимися, но, как и все мы, были простыми смертными,— возлагает на нас еще большую ответственность, когда мы не посвящаем на служение Богу свои малые возможности.

О любви этих простых людей к Богу невозможно судить по громким словам, потому что они никогда не осмеливались брать их в свои уста. О внутренней

привязанности к Богу не говорят даже их добрые дела, которые они не могли, а иногда и не успевали совершить по каким-то досадным причинам. Между тем, преданность и глубокое благородство любви этих людей до сих пор покоряет наши сердца именно скромностью и тихим, но сильным горением. Сияние их кроткой любви теплее слов, милее дел.

Что мы знаем о Мемфивосфее? Сын Ионафана. С детских лет хром. Эта беда обрушилась на него в день смерти отца. Позднее Давид оказал ему Божью милость ради Ионафана. Давиду очень хотелось всегда видеть перед собой сына того, чья любовь согревала душу его в годы гонений и одиночества. Он разыскал Мемфивосфея в далеком Лодеваре, привел в свой дом и как родного сына посадил за царский стол (2 Цар. 9 гл.).

Мемфивосфей прилепился душой к Давиду и любил его не менее отца своего. Давид мог убедиться в этом, когда пламя ненависти с чудовищной силой вырвалось из его собственного дома и он преследуем был сыном своим. Мемфивосфей оставался вдали от своего щедрого покровителя. Ноги не повиновались зову его сердца, поэтому он оседлал осла, чтобы ехать с Давидом и терпеть то, что терпел он. Но недобрый слуга Мемфивосфея, Сива, опередил его, перехватил осла (повидимому, с позволения Мемфивосфея навьюченных продовольствием для скитающихся в пустыне) и вышел к Давиду сам. Вдобавок Сива еще оклеветал Мемфивосфея, что якобы тот остался

в Иерусалиме для того, чтобы воспользоваться отсутствием Давида и вернуть себе царство (2 Цар. 16, 3; 19, 27).

Далек был от таких корыстных расчетов Мемфивосфей. Наоборот, будучи добр и верен, он настолько скорбел об изгнании Давида, что «не омывал ног своих, не заботился о бороде своей и не мыл одежд своих с того дня, как вышел царь, до дня, когда он возвратился с миром» (2 Цар. 19, 24). Ушел Давид, и для верного раба померкло солнце земной радости, он почернел от тоски, он весь в ожидании, молитве и слезах.

«Лучше видеть глазами, нежели бродить душою» (Еккл. 6, 9). Легче изо дня в день разделять всю горечь скорби близким сердцу, пить с ними из одной чаши страданий, нежели изнывать вдали, не имея возможности даже понимающим взглядом ободрить любимых.

Давиду, возможно, ежеминутно не угрожала смерть. Но Мемфивосфей не знает об этом, и потому — нет душе его покоя ни днем ни ночью: где в пустыне, в погоне Давид склонит свою усталую голову? — думает он. — Всегда ли найдет чем освежить запекшиеся в жажде уста? Сердцем чувствует Мемфивосфей, что добрый его господин плачет о безумии сына своего, терпит службу и зной, потому и сам он отказывается от всех благ. У себя дома Мемфивосфей живет в такой обстановке, которая ни на минуту не позволяет ему забыть о гонимом Давиде. Праздничная одежда, беспечная веселость — это было для него непростительной изменой, это оскорбляло любящее сердце. Он не смог идти рядом с Давидом в скитаниях, но сердцем своим сопутствовал каждому его шагу и если вкушал пищу, то, очевидно, только для того, чтобы хватило сил молиться и ожидать того, кого Сам Бог отметил как достойного и смиренного царя Израилева.

Верность вознаграждается! Живым вернулся тот, о котором тосковало сердце его! Когда Мемфивосфей узнал об этом, он просиял, засветился от радости и, как воистину виновный, одним из первых вышел навстречу Давиду.

И в такое счастливое время Мемфивосфей не пожелал даже перед царем выяснять отношения с клеветником Сивой. «Какое же имею я право жаловаться еще пред царем? — великодушно уклоняется он от разбирательства и от положенной ему части имения. — Пусть он (Сива) возьмет даже все, после того как господин мой царь с миром возвратился в дом свой» (2 Цар. 19: 28, 30).

Давид возвратился невредимым — большего счастья не может и быть для него! Какая глубокая привязанность к Божьему человеку! Какое редчайшее смирение! Был бы в безопасности Божий избранник, а то, что он сам останется без средств к существованию, — это его не печалит. Доброе имя его опачкано пред всеми — это ли горе для Мемфивосфея? Жив Давид! А о нем пусть думают и говорят все что угодно! Ни раньше, ни тем более сейчас Мемфивосфей ни под каким предлогом не желает сосредотачивать внимание на себе. «Я — мертвый пес», — ничуть не оскорбляясь оценивает он сам себя и уверен, что самая большая помощь, какую он может оказать Давиду, — это не утруждать его своими обидами, но, зная его многотрудную жизнь, молиться о нем в тиши и сострадать, что он и делал все дни.

И все же, справедливо могут заметить, Мемфивосфей так и не смог ничем помочь гонимому Давиду. Ничем! Даже то, что пытался сделать, перехватил Сива. Но у Мемфивосфея никто не смог отнять верного, тоскующего сердца и его тихой, день и ночь рыдающей молитвы! Заменить собой Давида в скитаниях он не мог, что, кажется, и сделал бы с дорогой душой. Но, если это невозможно, — тогда он будет жить только для того, чтобы, как говорит Иов, «движением губ» утешать праведников Господних, на чью долю выпало так много страданий и незаслуженных обвинений.

До тех пор пока Давид не вернулся в мире домой, Мемфивосфей не заболел о себе... Спазмы сжимают горло, слезы туманят взор, когда читаешь строки этого молчаливого сострадания. Вот где учиться сочувствию страждущим! На

святых страницах оставлено это трогательное сообщение не для того, чтобы подчеркнуть чрезмерную апатию или неаккуратность этого бесконечно любящего Бога человека и только потому способного так глубоко проникаться сочувствием к горю страдальцев Господних. Какое богатое утешение найдут в этом повествовании те, кто, как Мемфивосфей, волею обстоятельств оторван от гонимых, но которые непрестанно изливают душу свою за них в молитвах! Если внимание всех поколений Господь благоволил сосредоточить на ничтожной лепте вдовы, которую она положила от великой скудости; если Духу Святому угодно было взору всех христиан представить нетленную красоту беззвучного молитвенного сокрушения Мемфивосфея о Давиде, то, без сомнения, на челах молящихся людей, лишенных сегодня всякой возможности непосредственно разделять скорби узников Христовых, Бог сделает Свой спасительный знак и в день оный пригласит их как сыновей к Своему престолу, где вручит им награду пророков и праведников.

У Мемфивосфея руки не поднимались что-либо сделать для себя, когда в беде оказался дорогой ему человек. Всмотритесь в это воплощенное сострадание. Он всецело поглощен горем ближнего. Он не живет для себя. Его душа там, в пустыне, с Давидом. Какой здесь нестерпимо жгучий упрек совести безразличных, не желающих плакать с плачущими! Упрек тем, кто стыдливо отворачивается сегодня от изнемогающего под крестом Христа только потому, что именно Он, поруганный и пренебреженный, очень похож ныне на сестер и братьев узников.

Через служение Совета церковью и Совета родственников узников вот уже 20 лет отчетливо доносится голос пророков Господних, которые за ревность о поруганной славе Господа в церкви брошены в «грязные ямы» тюрем. Но многие ли из нас потеряли сегодня сердечный покой и оставили заботу о своем благоденствии, слыша зов носящих на теле своем язвы Самого Господа?!

Покойная жена служителя Совета церковью Д. В. Минякова после ареста мужа долго и безуспешно пыталась разыскать его в Барнаульской тюрьме. Ей не хотели нигде отвечать: где он и жив ли. Однажды, ничего не добившись, в отчаянии она стала открывать все незапертые двери в здании администрации тюрьмы и вдруг совершенно неожиданно в одном из кабинетов увидела Дмитрия Васильевича беспомощно лежащим на полу. «Митя!» — успела она крикнуть в ужасе, и ее тут же оторвали от двери и вывели прочь. «Он еще жив!» — одновременно радуясь и плача сообщила она детям, и с тех пор больше не смогла спать на кровати. Ей было легче, когда она так же, как и ее дорогой муж, спала на полу. Слава Богу, что и в этом скромном человеке билось точно такое же чуткое, как у Мемфивосфея, сердце!

Голос любви и святого сочувствия узникам Господним доносится к нам от «Мемфивосфеев», живущих в далеких местах от нас. Они убедительно просят соучастника скорбей Христовых, ныне секретаря Зарубежного представительства Совета церковью, Георгия Петровича Винса:

«...Поскорее пришлите нам адреса узников-христиан... Через Ваше свидетельство я почувствовала, что должна как-то принять участие в жизни христиан Советского Союза. Много лет тому назад я тоже была в тюрьме. Наркотики и алкоголь полностью владели мной. Но Господь Иисус Христос спас меня от всего этого. Он не только освободил меня, но и спас моих сыновей и мужа в двухлетний период».

«...Наша церковь молилась о Николае Ильиче Кабыше, и через три года он был освобожден, несмотря на то, что его срок был пять лет. Теперь мы вновь услышали: Николай Кабыш, 52-х лет, был арестован. В наших сердцах теперь один вопрос: наш ли это Кабыш?.. Можете ли Вы нам ответить, тот ли это человек и правда ли, что он арестован?..»

«...Я стал христианином много лет тому назад, но мой интерес к детям Божиим в России был очень поверхност-

ным. В течение прошедшего лета я был глубоко тронут напоминаниями о трудных обстоятельствах, в которых они находятся почти каждый день. С тех пор они постоянно живут в моих мыслях и каждодневных молитвах. Я бы хотел писать им письма, чтобы ободрить узников-христиан... Пожалуйста, пришлите мне их имена и адреса...»

«...Я хочу писать письма ободрения узникам и я буду молиться о них. Пожалуйста, пришлите мне имена и адреса... Я не могу представить себе, что это значит — не быть в состоянии свободно посещать церковь или исповедовать Иисуса Христа своим Спасителем. Бог очень осуждает меня за то, что я раньше не писала писем узникам-христианам...»

Не жжет ли раскаленными углями лаодикийскую совесть эти сердечные сочувствия к гонимым служителям, чья душа за святость церкви, за ее независимость от мира вошла в железо и цемент, в смрад и стужу? Не о нас ли, беспечно пирующих во время страдания ближних, сокрушался пророк Амос? «Вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия,— вы, которые... нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада... поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид... и не болезнуете о бедствии Иосифа!» (Амос. 6, 3—6). Забвение узников — это отречение от Господа, это грех, от которого, как от моли, рассыпалась краса верности многих христиан, и они стали отступниками.

Узников нашего гонимого братства не свободы, а жизни лишит вознамерились только за то, что они любят Бога Единого, Церковь гонимую и неделимое сердце Христово ее! Наши гонители делают все, чтобы навеки умолкли мужественные голоса служителей Совета церквей.

Как только за ними закрылись глухие двери тюрем, любовь наша не может заговорить к ним ни единым жестом. Войти в зал судебного разбирательства при огромном желании мы не можем. Выйти навстречу и ободрять их на «Ап-

пиевых дорогах» пересылок, как выходили братья к Апостолу Павлу, мы не в силах. Их передвижение из тюрьмы в тюрьму покрыто мраком строгой секретности. Писем наших зачастую им не вручают. Сообщений от них о скорби, какой они бывают отягчены чрезмерно, так что иногда не надеются остаться в живых,— мы не всегда сможем получить. Единственным утешением нашим остается молитва. Богом смягченное сердце к сочувствию побуждает нас, как Мемфивосфея, забыв о себе, молиться и ходатайствовать о страдальцах Господних до тех пор, пока они не возвратятся домой с миром. Мы благодарим Бога, что через ходатайства церкви узы верных детей Божьих, как некогда узы Апостола Павла, сделались известными многим (Фил. 1, 13).

«Господь испытывает праведного» (Пс. 10, 5), чтобы святого освятить еще (Откр. 22, 11). Радует сердце, что этими праведниками оказались наши дорогие братья и сестры. Но страданиями испытывается не только вера, но и наша любовь к Богу и к делу Божьему, за которое они полагают свои души. Молясь о них, мы не только желаем облегчить их участь, но и защищаем дело святости церкви, отстаиваем ее будущее, укрепляемся сами и даем возможность обрести спасение детям нашим.

Сочастиники скорбей Христовых! Попустит ли Господь вам быть забытыми своей общиной, не найдете ли братского сострадания от близких вашему сердцу друзей,— независимо от всего — да даст вам Господь милость в местах вашего изгнания, в земле пустой, иссохшей и безводной видеть славу Господа такой, какой вы видели ее во святилище (Пс. 62, 3). Слава Господня в церкви пленила ваши сердца, и ради бережного сохранения ее во всем нашем братстве вы ныне обложены узами и пренебрежены теми, кого вы любите. И, возможно, только в день вашего возвращения домой вы узнаете о простых «Мемфивосфеях», которые, не имея возможности быть рядом с вами, подвизались день и ночь за вас в молитвах к Богу.

И. В. КАРГЕЛЬ

ЖЕРТВА ЗА ГРЕХ

Левит 4, 1—2; 4, 13—35; 5, 1—13

...Смерть Иисуса Христа составляет центральную точку всего дела искупления человека. Она — верх послушания Его и любви к Отцу, также как и любви Его к нам. Только в смерти Его покоится душа наша в полном, безмятежном мире, потому что видит в ней совершенное удовлетворение за ее грехи и испорченность. Не должен ли этот, столь превосходный предмет, быть представлен Богом в прообразах глубоко, обширно и подробно? Так оно, конечно, и есть. Бог позаботился о том, чтобы Израиль «в своем богослужении постоянно возвещал смерть Господню», доколе Он придет. Она была описана с мельчайшими подробностями в ряде жертв, очерченных Моисеем в восьми первых главах книги Левит. Рассмотрев их поближе, наша душа по милости Господа найдет здесь новую пищу и богатое наслаждение.

С первого же взгляда мы видим, что в ветхозаветном богослужении левитов существовало большое число **различных** жертв. Каждая из них, как и не могло быть иначе, имела свое особое значение; и всякая посвященная душа хорошо сделает, если остановится над ними дольше, чем мы это можем сделать сейчас, в тихом благоговении и размышлении, руководимые Духом Божьим. Мы же можем дать здесь не более, как некоторые намеки.

Существовало шесть главных жертв, названных в порядке их описания в книге Левит 1—8: жертва всесожжения, хлебное приношение, жертва благодарности, или мирная жертва, затем жертва за грех, жертва повинности и жертва посвящения; как седьмую можно сюда причислить курение, или жертву курения. Сам Господь

разделил их на две категории, а именно: те, о которых постоянно говорится, что они служат «приятным» благоуханием Господу, и те, о которых этого не сказано. К последней категории относится жертва за грех и жертва повинности, к первой — все остальные. Жертвы «приятного благоухания» соответствуют требованиям и наклонностям Господа, тогда как все другие идут навстречу вопиющим потребностям нашего греховного состояния...

Итак, предметом наших размышлений будет — жертва за грех.

Остановимся прежде всего на названии этой жертвы. В нем уже отражается ее значение, потому что Бог всегда называет вещи своими именами. Она называется «жертвой за грех», или просто «грехом», и это имя уже раскрывает нам особые свойства. Израильтянин, принесший ее, совершенно независимо от того, какое положение он занимал: был ли он рабом, начальником или священником, стоял ли на высоком или на более низком нравственном уровне — являлся в ней просто грешником. Его жертва за грех свидетельствовала более о его **состоянии**, чем о **поступках**, более о том, что он есть на самом деле, чем о том, что он **делал**, хотя часто только из поступков своих он узнавал, в каком именно состоянии он находится, подобно тому, как у Адама открылись глаза на наготу его только по совершении греха. Поэтому-то здесь все снова и снова повторяется: «Когда узнан будет им грех» (Лев. 4: 14, 23, 28). **Когда** — это значит после какой-либо вины или ошибки.

Эта жертва, вполне соответствующая нашему положению пред Богом, была первой, которую человек мог принести за себя; никакая другая не могла ей предшествовать, потому что в ней он являлся на том уровне, на котором **находились в действительности**, а именно: он являлся в ней пред Господом как **грешник**. Всякая другая жертва, которую он принес бы раньше, была доказательством того, что он посягает занять пред Богом место, которое ему вовсе не подобает; он явился бы в ложном свете и не мог бы быть принят Богом. Все другие жертвы можно было приносить только тогда, когда греховное состояние устранялось посредством жертвы за грех. Так, например, в великий день Очищения, установленный Богом как вечное постановление для всеобщего очищения, а не за **определенный** грех народа,— жертва за грех предшествовала **всем остальным**; она приносилась за первосвященника так же, как и за народ, и даже за святилище (Лев. 16: 3, 5, 16); также и при посвящении первосвященника и священников она стояла на первом месте, хотя и не было совершено какого-либо прегрешения (Исх. 29, 10—14).

Это ясно указывает на то, что речь идет не о поступках или действиях этих людей, а о том, чем они были сами по себе, о их состоянии пред Богом. А состояние это, как только они появлялись пред Богом, требовало их смерти, их гибели. Жертва же, которую Бог повелел им приносить за себя, входила в это их состояние и, как при этом не могло быть иначе, также и в последствии его.

Это, возлюбленные, указывает нам на нашего Господа в прообразе Того, Который, хотя греха и не знал, тем не менее «сделался за нас жертвой за грех». В этом положении Он стоял на нашей почве, на уровне нашего состояния пред Богом и, таким образом, на самой низкой ступени, ниже которой Он не мог спуститься ни пред Богом, ни пред всякой тварью. Сойдя с неба, Он стал человеком; это была неизмеримо низшая ступень против прежнего Его положения; но Он всю Свою жизнь был непорочным, святым человеком; когда же Он сделался жертвой за грех, или, по выражению Апостола Павла,

«грехом», то при этом Он занял место павшего человека, встав на самую низшую из существовавших в мире ступеней. Но, усвоив Себе всецело состояние человека, должен Он был понести и последствия этого состояния. И как ужасны они были, мы скоро увидим, рассматривая прообраз жертвы за грех.

Если Господь Иисус вошел в наше греховное, падшее состояние (в котором пребывает всякая живущая душа, начиная с новорожденного младенца и кончая старейшим в мире человеком), то кто может сказать, какой глубокий покой, какой бесконечный мир дает душе нашей то сознание, что наша погибель смертью Иисуса Христа уничтожена уже в самом корне и сокрушена в первоначальной и глубочайшей своей причине. И если бы это не было так, то никогда не существовало бы для нас обеспеченного мира; теперь же **ОН — мир наш!**

Переидем же, однако, к свойствам жертвы за грех. Очень важно заметить, что та жертва (с которой поступали как с грехом — этой мерзостью в очах Божьих) сама по себе, подобно всем остальным жертвам, должна быть всякого недостатка и порока. Не допустили бы мы, чтобы, по крайней мере, при этой жертве можно было бы снисходительнее относиться к качествам ее? А между тем, мы постоянно читаем, что приносился ли в жертву телец, козел или коза, каждый из них должен был быть **«без малейшего порока»**. Один какой-нибудь самый ничтожный недостаток в жертвенном животном делал его негодным для жертвы за грех. Это никак не могло быть допущено! И хотя животному приходилось страдать и принимать смерть за зло, присущее не ему, а другому, оно само не должно было иметь никакого недостатка, чтобы быть годным для жертвоприношения.

Что может свидетельствовать яснее о славной истине заместительства Христа, единого **«Праведника за неправедных»**, чем этот прообраз жертвы за грех!? Он, не сделавший никакого греха и в устах Которого не было лести (1 Петр. 2, 22), да, Он, не знавший греха, сделался именно грехом, действительно

сделался клятвой; но не забудем этого **никогда-никогда**: Он сделался этим **для нас!** О, повторяйте с особым ударением: **«за нас!»**, пока это не станет источником силы в сердце вашем, непрестанно побуждая славить имя Его.

Но могло ли быть иначе, чем то, что **Праведный** пострадал за **неправедных**? Как мог бы человек, сам обремененный долгами, уплатить долги другого; и как мог бы грешник взять на себя за других возмездие греха, т. е. смерть, если он сам повинен смерти за свой грех? Ему самому пришлось бы услышать свой смертный приговор и претерпеть казнь. Так только Он один, Господь наш, «непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес», мог стать именно той жертвой за грех, которая соответствовала бы нужде нашей и удовлетворила Бога. Но возвратимся к прообразу жертвы за грех.

Посмотрим внимательно, как совершалось жертвоприношение. Здесь обращают на себя внимание четыре обстоятельства. Вот они: принесение жертвы пред Господом, возложение на нее рук, заклинание и вынесение за стан для сожжения. Все черты глубокого священного значения.

Прежде всего мы читаем, что приносящий жертву представлял ее сначала пред Господом. Оба, грешник и носитель его греха, появлялись пред лицом Божьим, согласно повелению: «И приведет тельца к дверям скинии собрания пред Господа» (ст. 4). Животное таким, каким было, пришло во двор скинии в присутствии Иеговы. В совершенной непорочности полноте жизни своей оно должно было предстать пред глазами Божьими, чтобы они могли тут же, на святом месте, испытать его. Здесь, пред очами Его, должно было совершиться великое дело перенесения греха на жертву, и тут же произносился и исполнялся приговор. Все это могло бы совершаться и вне стана, куда немедленно после этого выносилось тело животного; но тогда уничтожен был бы момент бесконечной важности в этом прообразе Христа Распятого.

Подумай, дорогая душа, что все это случилось и с Христом, твоей жертвой за

грех, в присутствии Иеговы. Он предстал непорочный и полный жизни, которую Он имел в Себе Самом, за тебя пред Богом. Бог испытал Его и не нашел в Нем ничего, кроме святости и непорочности; и вот перед лицом Его на Него был перенесен грех всего мира. Сам Господь совершил это, как поучает нас через пророка Исаию Дух Святой: «Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53, 6). Но и ты был также при этом, т. е. пред очами Божьими, когда это совершалось со Христом, подобно израильянину, являвшемуся с жертвой своей. Каким сладким утешением должно быть это для каждой алчущей благодати души, что некогда на кресте совершилась эта передача грехов, которая навеки спасла ее от проклятия и власти греха! Итак, эта передача не должна совершиться еще в будущем, но должна быть просто усвоена каждым грешником в отдельности. Теперь придите вы, все здесь находящиеся грешники, вы, еще не знающие, что ваше примирение с Богом уже совершенно, выступите теперь с вашей жертвой за грех пред Ним, и если будут «грехи ваши, как багряное,— как снег убелю; если будут красны, как пурпур,— как волну убелю» — говорит Господь (Ис. 1, 18).

После принесения жертвы пред Господом, следовало **возложение на нее рук грешника**. Израильянин подходил и возлагал руку свою на голову жертвенного животного. Это свидетельствовало о том, что он переносит свой грех, или свое греховное состояние, на свою жертву. В великий день Очищения это делал один за всех; то был Аарон, совершавший за весь народ это действие, громко исповедуя злодеяние, преступление и грех народа и возлагая все это на голову жертвенного козла. Прочтем об этом в Писании: «И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню» (Лев. 16, 21). Все это очень ясно и понятно.

Мы уже видели, как Бог возложил грехи наши на Христа, перенес их на Него; но здесь, в прообразе, представлена другая черта — действие самого грешника,

переносящего верой свой грех на Христа и оставляющего его на Нем, как нам это показано. Это действие сердца должно совершаться и сегодня так же обязательно, как совершалось оно некогда грешным израильтянином при жертвоприношении за грех. Если мы хотим освободиться от собственного греховного бремени, то это действие состоит в детской вере, которую каждый должен иметь непременно: что и его грехи (именно, все грехи) известные и исповеданные, а также тайные — перенесены на Иисуса и не будут более тяготеть на нем. Если израильтянин, возлагая руки на голову жертвенного животного, как бы взирал **вперед**, на Христа, и получал прощение, то сегодня грешнику приходится взирать на Христа назад, чтобы вкусить примирение с Богом.

В прообразе за возложением рук следовало умерщвление. Как только состояние грешника было перенесено на жертву его, наносился роковой удар, но не на голову жертвовавшего, а на ту голову, которая еще так недавно не знала никакого греха, но теперь уже принявшей на себя грех другого. Грех требовал смерти, а так как здесь, в прообразе, представлялась не кажущаяся, а действительная передача греха другому, то за нее следовала также не кажущаяся, а настоящая смертная казнь. И как удивительно, что при всем происшедшем (кроме возложения рук) грешник, приносивший жертву, оставался вполне безучастным; другой сводил счета с его жертвой; другой приводил над ней в исполнение смертный приговор.

Бог Иегова Сам на кресте имел дело с нашей жертвой за грех — Иисусом Христом, Он дает Ему, Единородному, полное возмездие, которое грех платит слугителю своему, и Иисус принимает его вполне, и не просит для Себя ни малейшей уступки. Как агнец, веденный на заклание, не отверзает уст своих, так Он принимает возложенное на Него беззаконие всех людей, вместе с приговором и последствиями его, без единого слова оправдания, не проронив ни одного звука в Свою защиту. Если мы находились под проклятием Божиим, то Он сделался за нас клятвой, потому что написано: «Проклят всяк, висящий на древе» (Гал. 3, 13);

а что Он висел на древе, известно всему миру. Если за грехи наши **мы** достойны были отвержения от лица Божьего, то Он сделался участником в этом, когда воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Если мы заслужили смерть, то Он вкусил ее за всех нас! Возлюбленные, это верные и достойные всякого принятия слова. Но имеет ли каждый из вас в них участие? Знает ли каждый из вас, что счет за его грехи уже покрыт; и, сознавая это, имеете ли вы полный мир? Ах, ведь здесь речь идет уже не о том, что все это должно еще произойти или что вы сами должны совершить это! Некто Другой давно уже исполнил все это; вам приходится только стоять, возложив руку на голову Агнца: это все.

Но не следует забывать при этом еще одного обстоятельства: **закланная жертва удалялась из стана от лица Божьего.** Это было, как может казаться, очень странным постановлением, потому что, когда все другие жертвы сжигались на медном жертвеннике, эта одна не могла быть сожжена здесь. Все совершалось, как мы только что видели, пред лицом Божиим: и принесение жертвы пред Господа, и возложение на нее рук, и смерть ее; но как только совершалось последнее, она немедленно выносилась вон из святилища. На этом жертвеннике сжигались только жертвы приятного благоухания Господу; для греха же на нем не было места, он не должен был находиться в стане: он должен был быть выброшенным вон из стана. И мы не должны забывать при этом, что грех был воплощен в этой жертве.

О, приди и посмотри, дорогая душа, как ужасен грех в очах Божьих! Твой Господь не только мог некогда находиться пред Ним, но был благоволением Отца. «Сей есть Сын Мой возлюбленный, — слышим мы неоднократно Его глас, — в Котором Мое благоволение»; но когда твое и мое беззаконие легло на Него, Он должен был выйти не только из святилища, но и вон из города, на место Любое; там скрыл Бог от Него лицо Свое, так что в скорби души Христос громко воскликнул: «Или, Или! лама савахфани?» то есть: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Но чудный и дивный жребий выпал через это на нашу долю;

потому что подобно тому, как израильтянин, подлинный грешник пред лицом Божиим, мог безбоязненно и радостно занять место своей жертвы во святилище и как чистый оставаться там, в то время как жертва его сгорала вне стана, так и мы имеем право стоять теперь «на святом месте» (Пс. 23, 3). Место Иисуса пред лицом Божиим — стало и нашим местом. Не правда ли, мы теперь понимаем что Дух Святой хотел сказать нам, напоминая слова Послания к Евреям 13, 12: «И Иисус, **дабы освятить** людей Кровию Своею, пострадал вне врат?» Он удалил от нас и от лица Божьего наш позор и поругание, так что мы в Его святости можем стоять пред Богом, и если это так, братья мои, то «выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» (Евр. 13, 13).

Рассмотрим же ближе применение жертвы за грех в данном прообразе. Посмотрите сначала, что происходило с ее кровью. Еще теплая, только что вытекшая из жертвенного животного, раньше, чем тело его выносилось вон, она вносилась во святилище. Это было как бы вестью о выполнении приговора, и потому ее как можно скорее должны были принести во святилище. Там ею кропили семь раз пред Господом, непосредственно перед завесой, часть ее возлагалась на роги жертвенника благоуханных курений, остальная же выливалась к подножию медного жертвенника. Кровь есть жизнь, принесенная в жертву; и эта жизнь, принесенная за грешника, повинного смерти, производила для него примирение во всех этих местах, даже до самого Святого-святых, так что ему открывалась дорога прямо в присутствие Божье, как мы только что видели. На медном жертвеннике, где господствовало правосудие Божье во всей своей строгости, — свидетельствовала она о том, что правосудию дано совершенное удовлетворение: потому что оно требовало жизни, и жизнь была отдана; на золотом жертвеннике кровь свидетельствовала об освящении грешника, так как его непорочная жертва сняла с него всякий грех; и теперь он мог спокойно поклоняться; и пред завесой она свидетельствовала о вновь восстановленном общении с Богом, потому что отделенный от Бога

грешник, потерявший всякое право на общение с Ним, умер, собственно говоря, в лице жертвы; тот же, который жил, жил теперь уже жизнью жертвы и занял ее место пред Богом.

Это все дивные истины, и нуждаются ли они еще в каком-либо объяснении? Не думаю; мы все понимаем их и понимаем именно так, как они есть. Одно только мне хочется — пригласить всякого человека принять в них участие; только бы я сумел это сделать! Приди непосредственно в присутствие Божье, приди на основании жертвенной Крови твоего Господа и приди в присутствие Божье! Ты найдешь ее всюду, на всем твоим пути к Нему; она его проложила тебе, потому что Христос дошел не только до завесы, но вошел и за нее, в само небо, чтобы предстать за тебя пред Богом.

Таково было применение крови жертвы. Остановимся, однако, и на остальных частях.

Мы только что видели, как поступали с ее телом; оно сжигалось вне стана, сжигалось в пепел. На животное был возложен грех, и оно представляло собой его, потому что не могло оставаться пред очами Божиими, — но должно было быть вынесено вон и уничтожено. Благодарение Богу, что во Христе, Который есть сама сущность и этого блага, был действительно положен конец нашему греху; его уже более нет! Уничтожая Христа, смерть уничтожила грех; исчез он навек, удален от лица Господнего, Теперь мы можем понять существенную разницу между Новым и Ветхим Заветом: в Ветхом Завете — **жертвами каждогодно напоминалось о грехах** (Евр. 10, 3), в противоположность чему в Новом Завете **грехи и беззакония более не вспоминаются** Господом (Евр. 8, 12) и мы, однажды очищенные, уже не имеем никакого сознания грехов (Евр. 10, 2).

Но что означает тук, почки и сальник на печени, предававшиеся огню на жертвеннике всесожжения? Это были, очевидно, самые нежные и благородные части жертвенного животного; и так как Бог повелел выделить их для

жертвы возношения, чтобы святой огонь Его сжег их, то этим Он выразил Свое благоволение к ним. Он поставил их нарядом с жертвой возношения, которая отделялась Ему от мирной жертвы, принявшей Им как приятное благоухание (Лев. 4, 9—10; 3, 5). Вот чудная черта! Она открывает нам, как Бог относился к самой жертве: по внутреннему своему содержанию она была дорога и ценна в очах Его, составляла Его отраду, наслаждение. В то время как Он явил Свою ненависть ко греху в том, что не допустил сжечь тела жертвы на жертвеннике Своим и повелел удалить его из святилища, Он выразил затем Свое благоволение к непорочности самой жертвы, повелев, чтобы блегородные части ее в огне вознеслись к Нему из святилища. То и другое осуществил Он и во Христе.

Какой же от всего этого был плод для тех, кто приносил жертву? В Лев. 8, 15 указаны три драгоценные истины, раскрывающие последствия приношения жертвы за грех. Там сказано: Моисей «взял крови, и перстом своим возложил на роги жертвенника со всех сторон, и **очистил** жертвенник, а остальную кровь вылил к полножию жертвенника, и **освятил** его, чтобы **сделать его чистым**». (В других переводах слова «сделать его чистым» заменены выражением: «чтобы совершилось примирение».) Итак, очищение грехов, освящение и примирение с Богом следовали за приношением жертвы за грех. Не чудные ли все эти блага, не драгоценные ли дары для грешника?!

Так и во Христе. Когда по вере Он становится для нас тем, чем Его сделал Бог, эти блага переходят в нашу собственность. Подумаем о них хотя немного. «Очищение грехов» — значит полное освобождение от греха, как бы он никогда и не тяготел на нас, как это понял стихотворец, когда воспевал:

«Святые Ангелы на небе не так чисты,
Как я, имеющий Спасителя Христа!»

«Посвящение» — значит каждодневное отделение себя для Бога; «примирение» — это исключение всякого разделения и вражды с Богом, что приводит к неперемennomу усыновлению. Так оно и есть на самом деле: Сын Отца занял

наше место и стал тем, чем были мы, то есть грешным; а мы на месте Его стали сынами и дочерьми Божьими. Не неисследимые ли это богатства Христовы? Только бы все мы, видевшие сегодня осуществление этого чудного прообраза во Христе, были причастниками всех этих благ!

Но если бы между нами нашлись души, еще не причастные им, позвольте мне сказать вам, что они уготованы и для вас. Вы видели путь, ведущий вас к ним: признайте себя пред Господом тем, что вы есть на самом деле, именно грешниками; придите пред лицо Божье со Христом как невинным и непорочным Агнцем и представьте Его за себя в жертву за грех. Не приходите ни с какой другой жертвой — это первая, необходимая вам, которая принесет полное спасение, если вы с детской простотой будете уповать на нее. Господь да научит вас и этому во славу Ему. Аминь.

* * *

Божественная слава личности Христа блистала даже и среди самых мрачных теней голгофского древа, к которому Он согласился быть пригвожденным, приняв на Себя проклятие вместо нас. Даже соприкосновение с гнусностью греха, которому в полноте божественной любви подверг Себя на кресте благословенный наш Господь, не могло помешать благоуханию заслуг Его возноситься к престолу Божьему. Так открывается пред нами глубокая тайна сокрытия света лица Божьего от Христа, **Жертвы за грех**, причина сердечного благоволения Божьего ко Христу, каким Он был Сам по Себе. Вот что сообщает особую привлекательность жертве за грех. Яркие лучи личной славы Христа, прорывающие зловещий мрак Голгофы; личное превосходство Христа, исходящее из самой глубины Его унижения; благоволение Божье к Тому, от Которого, по неподкупному правосудию Своему и по святости Своей, Бог должен был скрыть лицо Свое — все это выражалось сжиганием тука жертвы за грех на жертвеннике.

Я обращаюсь к тебе, дорогой друг, с вопросом: научился ли ты покоиться на этом святом и блаженном основании? Знаешь ли ты, что вопрос о твоём грехе,

о твоих грехах решен навсегда? Возложил ли ты верой руку твою на голову жертвы за грех? Омыла ли искупительная Кровь Иисуса Христа всю твою вину, повергла ли она ее в глубокие воды забвения Божьего? Имеет ли еще что-либо против тебя Божественное правосудие? Освобожден ли ты от невыразимых страданий виновной совести? Не давай себе, прошу тебя, отдыха, пока ты не будешь в состоянии дать радостный ответ на все это. Будь уверен, что самому слабому чаду во Христе принадлежит блаженное преимущество радоваться полному и вечному прощению своих грехов ради полного искупления Христова; учащий иному низводит, следовательно, жертву Христову до уровня жертвы «телцов и козлов». Если мы не можем сказать, что грехи наши прощены нам, где же благая весть Евангельская? Неужели христианин не получает более израильянина древних времен от своей жертвы за грех? Последний имел преимущество знать, что кровью однажды в год приносимой жертвы он получал прощение грехов, допущенных в течение этого года. Неужели же христианину не дано постоянно пребывать в благословенной уверенности?! Конечно, это ему дано. Если же уверенность в прощении грехов ему дана, она должна быть вечная, потому что она покоится на жертвоприношении вечном.

Это, и только это, есть основание служения нашего. Полная уверенность в прощении грехов выражается не духом самоуверенности, но духом хвалы, прославления Бога и благоговейного благодарения Его. Она производит в нас не чувство личного удовлетворения, но удовлетворение во Христе, и такое состояние — благодарение Богу — будет присуще искупленным Божьим во всей вечности. Дух научает нас не тому, чтобы не придавать значения греху; Он учит нас придавать как можно больше значения благодати, его всецело изгладившей, и Крови, его всецело уничтожившей. Невозможно созерцать крест, видеть место, которое Христос на нем занимал, проникаться сознанием страданий, Им там перенесенных, вспоминать о трех страшных часах мрака и в то же самое время смотреть на грех, как на нечто неважное. Когда силой Духа Святого

мы хорошо все это усвоим, явятся и два последствия этого познания, а именно: ненависть ко греху, во всех его проявлениях, и искренняя любовь ко Христу, к Его народу и к Его делу.

Говорит Сущий

Я — Бог твой и твой Спаситель,
Я — кладезь воды живой,
Ты душу не можешь насытить
Рожками мира сего.
В грехах Я тебя принимаю
И щедро благословлю,
Ты мыслишь: «Прошу ли?» —
Прощаю!

Прощаю, ибо люблю.
Гордиться тебе не полезно,
На этой земле ты — гость,
Ты пар, что скоро исчезнет,
Ты праха жалкая горсть.
Мне дорого исповеданье
Души, истомленной борьбой,
И как не явить сострадания.
Трепещущему предо Мной!!
Ты

создан Мною
для неба,
Творец и Спаситель —
Я,

И если не можешь без хлеба,
Тем более
без Меня.
Покаяться — значит к счастью
Дорогу из мрака найти,
Я буду твоею частью,
Лишь

в сердце Меня
впусти.

В грехах
тебя принимаю
И щедро благословлю.
Ты мыслишь: «Прошу ли?» —
Прощаю!

Прощаю,
ибо люблю.

Затерявшееся племя

Г. ЗАРУБИН

В наш век всевозможных научных открытий и социальных достижений в большинстве стран мира трудно себе представить, чтобы еще нашелся народ, которого совершенно не коснулась цивилизация. Это, конечно, до некоторой степени относится к отдельным племенам индейцев в Южной Америке, но все-таки их историю можно кое-как проследить, потому что от времени до времени они соприкасались с внешним для них миром.

Народ, с которым я хочу вас познакомить, живет на острове Новая Гвинея и до настоящего времени не имел никакого контакта с цивилизацией. В 1952 г. группа миссионеров в первый раз проникла в занимаемый ими район. Без особых трудностей экспедиция прошла вдоль долины Бальем, где среди туземцев трудится уже другая миссия, и поэтому население пришло к виду белых людей. Когда же первые миссионеры вошли в девственный лес еще никем не исследованной местности, то по временам им грозила опасность от небольших групп воинственно настроенных дикарей, которые с криками и угрозами следовали за ними. Иногда, пробираясь по извилистым тропинкам джунглей, миссионеры были буквально в нескольких сантиметрах от острия копий, и тогда каждое неосторожное движение было бы равносильно смерти.

Однажды они подошли к реке, которую невозможно было перейти вброд. Со всех сторон их окружала толпа озлобленных, кричащих туземцев с намерением расправиться с этими «белыми дьяволами», вторгшимися на их территорию. Находясь в таком безвыходном положении, миссионеры обратились в молитве за помощью к Отцу Небесному. Вдруг среди ясного неба раздался удар грома. Туземцы в страхе разбежались, подобно испу-

ганным обезьянам, на окружающие холмы. Миссионеры вызвали понтон, на котором после грозы перебрались через реку. По мере того как экспедиция медленно продвигалась вперед, миссионеры увидели ужасную картину жизни этих человеческих существ, более похожих на животных, чем на людей. Они столкнулись с вещами просто невероятными, так что в своих письмах в главную миссию они просили усиленно молиться о них. В одном из писем были такие слова: «Если Бог не поможет нам и не укажет Своих особых путей, то мы не знаем, как мы сможем еще оставаться среди этих существ, так мало похожих на людей!»

Жили эти люди в обыкновенных ямах, валялись в грязи, подражая свиньям, которых считали священными животными. Вдобавок к этой и без того безотрадной картине, они были обезображены вившими у них на шее зубами животных, весом до 10 фунтов. Чтобы во всей полноте увидеть чудные действия Божьей благодати среди этих заброшенных, невежественных людей, необходимо вообще познакомиться с их жизнью.

Происхождение их определить было невозможно. Вся их духовная жизнь ограничивалась суевериями и страхом перед злыми духами. Никакого представления о Боге, о добре и зле они не имели. По мере того как миссионеры изучали их язык, они постоянно искали слово «Бог» или нечто определяющее Его, но на все вопросы туземцы отвечали, что они никакого понятия о Боге не имеют. Иногда этих бедных людей охватывал какой-то непонятный, фанатический страх, под влиянием которого они, ища смерти, готовы были целой группой взойти на скалу и броситься оттуда вниз так, как это иногда бывает с некоторыми породами грызунов.

Свиная кровь употреблялась для

умилостивления злых духов. Со свиньей были связаны три главных события в жизни туземцев: принятие юноши в среду мужчин, брак и обряды очищения. При этом кровь использовалась для ритуала, а мясо съедало при совершении обрядов и во время пиршеств, длившихся несколько дней. Свинья была их наиболее ценным имуществом, и свиноводство было центром всей хозяйственной жизни. Мужчины имели одну или несколько жен, которым был поручен уход за свиньями. Эти женщины были всецело ответственны за их благосостояние. И если со свиньями что-либо случалось, жены подвергались побоям, вплоть до перелома костей.

Но самым отвратительным обычаем в жизни дикарей было отсечение пальца. Если в племени умирал человек, то родственникам посылали часть человеческого пальца, отрубленного по второй сустав. Обычно для этой операции выбирали молодую девушку или юношу. К пальцу на высоте ногтя привязывали пучок травы, затем руку клали на доску и ко второму суставу прикладывали каменное долото, ударяя по которому куском дерева, отрубали часть пальца. Его относили родственникам умершего для выражения соболезнования так, как у нас в таком случае посылают письма или цветы. Палец потом высушивался и на некоторое время подвешивался к хижине.

До прибытия миссионеров эти люди никогда в жизни не мылись. Чтобы предохранять себя от холода, они намазывали свои тела свиным салом и потом, для красоты, разрисовывали сажей. Волосы их были заплетены вместе с грязью в длинные косы. Из-за отсутствия гигиены их тела были покрыты прыщами с головы до ног. Мужчины большую часть времени проводили в войнах с соседними племенами, а женщины занимались семьей, свиньями и огородами.

Всего сказанного вполне достаточно, чтобы представить себе то великое дело искупления, которое Бог совер-

шил в течение последующего десятилетия через Своих служителей в этой заброшенной стране. К концу 1956 года было организовано шесть миссионерских станций, откуда была начата евангелизация этих бедных, заброшенных людей. Группа молодых миссионеров посвятила себя этому служению. После трех лет работы среди приблизительно 4000 туземцев, Дух Святой начал действовать в их сердцах, особенно в местности, находившейся вблизи главного евангельского центра. Без ведома миссионеров, туземцы начали в своих деревнях рассуждать между собой о том, чему их учили в собраниях. Пришло время, когда они убедились в истинности того, что слышали, и объявили о своем уверовании. На основании этой веры они приняли важное решение — отказаться от пользования оружием, удалить от себя всякого рода амулеты. Такой поступок был большим свидетельством веры как для туземцев, так и для миссионеров. Бог обильно благословил это служение.

Немедленно после этого появилась жажда научиться читать, чтобы изучать Священное Писание. Из уверовавших была организована церковь, которая быстро укреплялась и возрастала. Так началось это духовное пробуждение по милости Божьей с 4000 уверовавших в Бога и Спасителя Иисуса Христа. Теперь в этой местности приблизительно 14000 верующих из племени Дани, из среды которых около 6000 приняло крещение. В горах Новой Гвинеи открыто уже более 30 церквей, возглавляемых пастырями из туземцев, которые учат других тому, чему сами научились, пользуясь впечатлениями для них частями Священного Писания.

В течение только одного десятилетия эти люди обратились от тьмы к свету; их, «мертвых по грехам и преступлениям», Господь возродил к новой духовной жизни через то Писание, которое для мира сего есть безумие. Какая славная победа Евангелия Христова!

МОЛИТЕСЬ О НИХ

Еф. 6, 18

Член Совета церквей — **АНТОНОВ Иван Яковлевич** осужден к новому длительному сроку заключения за имя Христово (5 лет лагерей и 5 лет ссылки).

За неделю до его ареста прошел суд над его сыном — Павлом. А совсем недавно отбыл срок заключения и зять его — Константин Сысов.

О всех скорбях, выпавших на долю этой любящей Господа семьи, рассказывает супруга Ивана Яковлевича — Неонила Ивановна Антонова:

«Арестовали Ивана Яковлевича 14 мая 1982 года. Это уже его пятый арест. Судим он был под разными предлогами, т. к. у нас говорят, что за веру не судят. Об этом можно сказать так: "Да, за веру мертвую, без дел у нас не судят, а за верность служения Богу по Его слову — судят!"

Следствие длилось пять месяцев. Первый раз суд был назначен на 10 ноября 1982 г. Много пришло друзей, местных и приезжих. В зал суда всех впустили беспрепятственно. Для нас это было удивительно, так как последние два суда над Иваном Яковлевичем совершались тайно, так что даже самые близкие родственники не присутствовали. Но 10 ноября суд не состоялся. Отложили, мотивируя тем, что не явились свидетели. А свидетелям не были вручены повестки.

Суд состоялся 23 ноября и длился 5 часов (учитывая перерывы). День суда от родственников и друзей тщательно скрывался. Лишь только за два часа до начала суда свидетелям были вручены повестки, а некоторым они вообще были присланы на второй день после суда. В связи с этим на суде мало присутствовало верующих друзей, и то только местные. Зато зал суда был переполнен специально настроенными людьми; туда привезли много аппаратуры: фотоаппаратов, магнитофонов. Возле здания суда стояла телесъемочная машина. Обвиняли Ивана Яковлевича по статье 209, часть 1: "Посягательство на права граждан под предлогом исполнения религиозных обрядов», то есть, что он якобы в своих про-

ведениях призывал молодежь не служить в Советской Армии и не принимать присяги, что якобы отвлекал молодежь от общественной жизни. И целый ряд подобных вымышленных обвинений.

Виновным себя Иван Яковлевич не признал, но ясно заявил о своем несогласии с существующим Законодательством о религиозных культах, так как соблюдение его противоречит Евангелию, его совести и убеждениям. В частности, он высказал несогласие с тем, что председателям райисполкомов предоставлено право отвода членов исполнительного органа общины; не согласен также с тем, что церковь не имеет права без разрешения властей использовать свои средства по своему усмотрению. Он заявил, что у нас в стране существует Законодательство, которое противоречит статье Конституции о свободе совести, и это дает возможность преследовать верующих, желающих жить по слову Божьему.

Этот незаконный суд еще раз подтвердил слова Евангелиста Марка, 13 глава, 13 стих: "И будете ненавидимы всеми за имя Мое", и Луки 6, 22: "Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого".

В последнем слове Иван Яковлевич сказал: "Я благодарю моего Господа, что Он освободил меня от греха. И вы меня судите не за преступления, а как христианина. Бог меня простил, и я вас прошоаю. Я буду молить моего Бога, чтобы каждый здесь присутствующий также освободился от греха и был спасен". Прочитировал два четверостишия из гимна:

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели.
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели
Назвав тебя врагом.
Есть радость в том, чтоб вечно быть
изгнанником

И, как волна морей,
Как тучка в небе,— одиноким странником
И не иметь друзей.

Эти слова сидящая в зале подобранная публика атеистов встретила диким хохотом и возгласами: "фанатик", "повесить его", "расстрелять его".

Приговорили Ивана Яковлевича к 5 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки с конфискацией имущества.

За что осудили сына Павлика? Его обвинили по статье 138, часть II. Эта статья гласит: "Нарушение Законодательства о религиозных культах". А соблюдая Законодательство о культах, мы становимся нарушителями повелений и заповедей Господних. Часть верующих приняла это Законодательство, а другие считают исполнение его — греховным, за что и подвергаются гонениям, штрафам, арестам.

Павлика обвинили как руководителя раскольнической группы верующих. В деле представлено одно богослужбное собрание, проводимое в частном доме, при разгоне которого верующие на улице спели псалом религиозного содержания. И вот Павлика обвиняют, что инициатором этого пения якобы

был он. На чем основываются? — Дословно в обвинительном заключении (стр. 2) написано: "Характер поведения Антонова П. И., развившийся в даче указаний повелительного содержания другим верующим, с требованием исполнения этих указаний,— свидетельствует о его организаторской роли в проведении собраний и шествий".

Другое обвинение — якобы под руководством и по организации Павлика, молодежь под Рождество поехала в деревню и в районный центр и, проходя из дома в дом, спрашивали разрешения жильцов зайти, чтобы засвидетельствовать о Христе. И там, где разрешали, они проповедовали, пели, молились, рассказывали стихотворения.

Он был арестован на работе 17 февраля 1982 года. Помещен на 15 суток в КПЗ, без вывода на работу. Прямо хочется сказать: в нечеловеческие условия был помещен. И только 3 марта его перевели в следственный изолятор, т. е. в тюрьму. 6 мая 1982 года состоялся суд. Впускали только по пропускам, и поэтому,

Иван Яковлевич Антонов с семьей

«ПИШУ ВАМ, ДЕТИ...»

Наш дорогой брат, служитель СЦ ЕХБ — М. И. ХОРЕВ, — в третий раз осужденный за верность Христу, направил из неволи своим детям ряд писем, содержание которых несомненно будет интересным и назидательным для детей Божьих. Поэтому с любезного согласия семьи Михаила Ивановича мы помещаем их на страницах журнала.

Письмо первое

28 января 1980 г.

Приветствую вас мои милые родные. Спешу утешить вас, а вместе с вами и сам нуждаюсь в утешении. Я вновь в тюрьме. Мы вновь разлучены. Христос утешал взволнованных учеников словами: «Мир Мой даю вам». Этот стих всегда звучит в моем сердце как Его откровение и сильно подкрепляет в тюремной камере, в глущей пустыне. Но все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе! Ваши просьбы и ходатайства ощущаю, часто радуюсь и даже переживаю блаженство. Пою: "О нет, никто во всей вселенной свободы верных не лишит" и другие.

Здоровье, как Иисуса Навина и Халева, хотя условия для тела и души — трудные. Люди окружают меня — специальные, но и они привязаны, как в "Пилигриме" Джона Буньяна — львы. Хлеба хватает, спальное место есть, воздух тяжелый, но сплю ночью хорошо. Просыпаюсь рано, подкрепляю душу из сердечных запасов и много, много прошу за всех и благодарю. Пою песни...

О будущем скажу так: "Ты знаешь путь, хоть я его не знаю... благодарю Тебя, Господь, сердечно за милости, заботу и любовь". Часто в сновидениях Он говорит мне о вас и о друзьях. Вызывали 33 свидетеля, и никто не дал показаний против меня, а все обвинения основаны лишь на «Бюллетене» Совета родственников узников и «Братских листках», и, конечно, много прибавлено того, чего не было.

Еще за ваши и друзей заботы, сердечно, сердечно благодарю Бога и всех вас, родных по Его Крови! На этом заканчиваю. До свидания. Да благословит вас всех Господь. И я остаюсь с Ним. "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать" (Мтф. 5, 11). Любящий всех вас отец, муж, друг —

Иван Яковлевич.

никто из друзей попасть в зал суда не мог. Олну меня, как мать, по паспорту пропустили.

Зал уже был наполнен посторонними людьми. В начале все были настроены враждебно, но ход суда и поведение Павлика — изменили их взгляды. Многие стали сочувствовать и выражали свои мысли вслух: "Отпустите, хороший парень", "не за что судят парня". Некоторые даже прослезились.

Прокурор задал Павлику вопрос: "Почему многие верующие у нас в стране приняли Законодательство о культах и мы их не судим, а вы себя считаете лучше их?"

Павлик ответил: "Богу нужны верные, а не верующие. А что те приняли Законодательство — так для того, чтобы не сидеть на этой скамье. Мое желание жить и служить Господу по Его слову, а не по Законодательству. Это не препятствует мне быть полезным и любить людей. Цель жизни моей — исполнить две великие заповеди Божьи. Первую: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею», и вторую подобную ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». По этим заповедям во имя Господа старался жить и хочу и дальше так жить, быть полезным моему Господу и моим ближним, то есть всем людям. За это хотите судить меня?"

Ему вынесли приговор — три года лагерей общего режима. Он сейчас отбывает их.

Что сказать о своем состоянии? Симеон пророчески сказал Матери Иисуса Христа: "И Тебе Самой оружие пройдет душу..." (Лук. 2, 35). Так и мне как матери, как жене оружие прошло душу. Но смиряюсь перед волей Божьей и благодарю, что мой Спаситель прежде моего бытия пострадал в тяжких муках, чтобы даровать мне жизнь вечную. И если Он допускает мне и моим любимым страдать за Него, страдать только за то, что мы желаем жить благочестиво, — то слава Ему! Ибо Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Петр. 2, 21).

Всегда хочу благодарить Господа и за Его дорогую Церковь! Через нее я получаю много поддержки, любви, утешения, сострадания, помощи!

Молюсь о том, чтобы, пройдя через все испытания, я могла бы сказать, как Иов: "Он знает путь мой; пусть испытает меня, — выйду, как золото" (Иов. 23, 10).

Это простое, но сильное правдой свидетельство дорогой сестры (которая и сама за имя Господа была приговорена в прошлом к 25-ти годам лишения свободы, но была реабилитирована по отбытии 5-летнего

согревался за счет усиленных физических упражнений, но спать уже не хотелось. Часа два сна вполне укрепляли физические силы. Особо торжественно я провел 27 января.

Воскресный день. Я знал, что меня на днях увезут в Ленинградскую тюрьму «Кресты». И я с благовоением ждал этого часа. Вы спросите почему? Когда моему папе было 48 лет — его арестовали как служителя Христова и увезли в эту тюрьму. Мне тогда было семь лет. И вот я достиг возраста отца своего и иду по стопам его через те же тюрьмы, а может быть, и через те же камеры.

Письмо второе

Помни весь путь, которым вел тебя Господь. Втор. 8. 2

Помни весь путь, которым Мои милые родные, сегодня я решил продлить разговор, начатый в предыдущем письме, в котором я писал вам о первых днях моего пребывания под арестом в г. Ленинграде. Да, воскресный день 27 января 1980 года останется в моей памяти как один из прекрасных дней, когда Господь чудно посетил меня и напомнил о чудных делах Своих в моей жизни. Этот воскресный день был для меня днем благодарения.

Я был один, никто не отвлекал меня. Я вспоминал детство, родителей и благодарил Господа, что они научили меня любить Его, идя от юности тернистым путем за Иисусом. Я постараюсь, если Господь продлит жизнь нашу, рассказать подробно вам обо всем, что я запомнил и чему научился в детстве. Ведь мой папа уделял нам очень много времени для воспитания в учении Господнем. Но сегодня хочу рассказать вам, дорогие мои, о той беседе с папой, которая волновала сердце мое 27 января 1980 г.

Шел 1938 год. Трудное это было время для Церкви Христовой. А этот год особенно. Мы жили в г. Ленинграде. В этом году все 14 молитвенных домов были закрыты, служители церкви арестованы, многие их семьи посланы на север. Эта же участь ожидала и нас. Ведь мой папа тоже был служителем в одной из баптистских церквей г. Ленинграда,

Я вспомнил свое детство, особенно последнюю беседу мою с папой, и не мог без глубокого волнения не припасть к ногам Иисуса Христа, благодаря Его за моих родителей, которые научили меня любить Господа больше всего на свете! Каким коротким показался мне тот воскресный день! Я его провел в песнопениях, в молитвах и радостных размышлениях. Постарюсь, дорогие мои, и вас приобщить к радости моего воскресного дня — 27 января 1980 г. и прошу Господа, чтобы Он уравнил пути для следующего письма, в котором продолжим начатый разговор.

а всех служителей и активных членов церкви уже арестовали. Ждал ареста и мой папа. У дверей нашей комнаты лежал рюкзак, собранный им в дорогу, и мы, дети, часто подходили и перебирали содержимое мешка. Там было нательное белье, черная рубашка, ватные брюки (в заплатках, ведь жили мы бедно), подшитые папой валенки, миска, ложка и кружка. Вот и весь багаж.

Однажды после работы (а работал он электромонтером) он сидел за столом, что-то писал. Мы — дети — окружили его, и он начал с нами непринужденную беседу. Эта беседа оставила глубокий след в моей душе.

«Дети,— говорил он,— я отправляюсь в далекий путь. И вернусь ли когда-нибудь домой — не знаю. Только Господь знает и мой путь, и все трудности на пути, и время скитания. Так вот, отправляясь в дальнюю дорогу, хочу договориться с вами сейчас о месте встречи, чтобы нам не потерять друг друга, но всегда быть вместе». И чтобы мы лучше поняли, пояснил, что, направляясь в многолюдные места: на рынок, или в универмаг, или на железнодорожный вокзал, люди стараются заранее назначить место встречи, если случится непредвиденно потерять друг друга. Эти места встреч бывают различными: у ворот рынка, у справочного бюро на вокзале и т. д.

«А мы тоже на время потеряем друг друга,— продолжал он. — Поэтому я предлагаю вам, детки, встречу у "белого престола". Как только войдете в небесный Иерусалим, приходите к белому престолу, где будет восседать Иисус Христос, и я там буду. И мы встретимся и больше никогда не будем разлучаться». И тут он стал карандашом рисовать небо и белый престол, куда придут поклониться все странники Божьи. Говорил он все это с такой увлеченностью и вдохновением, что остаться равнодушным было невозможно. И запомнилось на всю жизнь.

Папа знал, что больше не вернется на свободу, но, имея глубокое упование на Господа, доверяя себя и свою семью Ему, смело шел по стопам Иисуса Христа, зная, что кто с Ним страдает, с Ним и царствовать будет. Повторяю, папа имел это святое упование, но он хотел, чтобы и дети его были тоже в Царстве Небесном.

Как же мне не радоваться и не благодарить Господа, что у меня был такой любящий Господа и заботливый о своих детях отец!

Через 3–4 дня после этого его арестовали. Мы провожали его только до дверей, дальше нам не разрешили идти.

Письмо третье

Как-то вечером мама пришла домой и сообщила, что папу осудили на пять лет и завтра мы идем в тюрьму к нему на свидание. Для нас этот день был праздником. Вам, дорогие мои, знакомо это чувство внутреннего волнения. Ведь вот уже в третий мой срок вы приезжаете ко мне на свидание!

Что же особенно запечатлелось тогда в моем детском воображении? Расскажу по порядку. Администрация тюрьмы заявила маме, что ей не следовало бы давать свидания с мужем, так как он в камере занимается «пропагандой». — «Но ради детей все-таки дадим». На свидании мама спросила: «Говорят, ты занимаешься здесь какой-то «пропагандой»? Папа улыбнулся и говорит: «Молюсь я Богу открыто, совершая

«Воронок» стоял напротив окна нашего дома, и нам хорошо было видно, как он с небольшой ношей на плече, подойдя к машине под охраной солдат НКВД, посмотрел в нашу сторону, улыбнулся, поднял слегка правую руку, приветствуя и прощаясь с нами, и все. Дверца захлопнулась и машина увезла его.

Прошло восемь месяцев и папа нам написал последнее письмо с далекого Севера. Он писал это письмо накануне перехода в вечность, за 1–2 часа. (В 1955 г. я встретил брата, который тогда находился вместе с ним. Он многое рассказывал мне о его последних днях жизни.) Папа писал в этом письме очень мало: «Милая, если ты услышишь, что я умер, то не верь, потому что у меня нет умирать, а переходит от смерти в жизнь».

Я в этой камере 27 января 1980 г. благодарил Бога за моего папу и просил у Него силы и мудрости быть таким отцом, который и вам, мои милые дети, оставил бы пример подражания Иисусу Христу.

Через пять месяцев после ареста папы я видел его на свидании в «Крестах», но об этом посещении тюрьмы в детском возрасте я постараюсь написать в следующем письме.

колени преклоненную молитву, а после молитвы мне задают вопросы, и так все дни в камере проходят в беседе о Боге».

Хочу описать внешнюю обстановку самого свидания. Всем, кому разрешили свидание с близкими, сказали зайти в одну большую комнату. Народу собралось человек около 50-ти. И всем объяснили как вести себя на свидании: нельзя громко разговаривать, передавать что-либо, обмениваться рукопожатием и еще что-то говорили, но я уже не помню. Затем открыли дверь и посетители стали заходить куда-то. Мы — дети — первые вбежали в комнату для свидания и растерялись. Непривычная обстановка! Я постараюсь описать ее. Большая комната огорожена П-образным барьером в два ряда. С одной стороны барьера

стоят заключенные, с другой — посетители. А между барьерами проход, по которому ходят надзиратели. Посреди комнаты — большой стол.

Итак, мы вбежали в эту комнату и остановились посреди, осматривая всех стоящих вокруг. Вдруг слышим знакомый голос: «Детки». Я увидел папу. Он стоял, облокотившись на барьер, и улыбался. Мы подбежали к нему (три мои сестры и я). Но барьер был для нас высок, и нам пришлось отойти на расстояние от барьера, чтобы видеть папу. Но вот в комнату зашли все посетители и люди у барьера стали в два ряда. В такой обстановке взрослому было трудно что-либо увидеть, а детям тем более. Стоял сильный шум. Каждый старался говорить так, чтобы быть услышанным другой стороной. Я забрался на стол и стоя наблюдал за всем происходящим.

Рядом с папой, по правую сторону, стоял худощавый пожилой еврей. Слезы из глаз у него текли постоянно. Он о чем-то горячо говорил своей жене, а потом как кричит на весь зал: «Тише, товарищи!» Все чуть приумолкли, а он громче всех говорит: «Фирочка, ты веришь мне? Ведь я ни в чем не виноват!» Он еще о чем-то говорил своей Есфири, но общий шум вновь стал набирать силу и все слилось в одно.

Для меня была интересна сама обстановка. Все взволнованные, многие плачут и по ту и по эту сторону барье-

ра, а мой папа приятно улыбается нам. Стоя на столе, я не слышал ни одного его слова из разговора с мамой. Шум стоял невыразимый. Но навсегда запомнилось мне спокойствие, мир и какая-то торжественность в выражении лица папы, в его взгляде, в поведении, в манере разговора.

30 минут свидания прошли быстро, и все посетители нехотя стали выходить. Последними выходили мы, дети. Папа говорит нам: «Вы помните где мы встречаемся? У белого престола!» И левой рукой опираясь на барьер, поднял правую руку и указательным пальцем показал вверх. Мы не знали, что расстаемся с папой навсегда.

Во время свидания у него сильно бо- лели ноги, поэтому он опирался на барьер, а маме он ничего не сказал о плохом здоровье. Решил не расстраивать ее. И только в 1955 г., когда мне случайно довелось встретить брата, который был тогда вместе с папой в тюрьме, я узнал, что у папы так сильно бо- лели ноги, что он даже не мог сам идти на свидание, ему помогали заключенные.

Это было мое первое и последнее свидание с папой в заключении. Больше я никогда не видел его. Но на всю жизнь он запечатлелся в моем детском сознании как верный служитель Божий и я всегда хотел ему подражать. И твердо знаю, что встретимся мы с ним у белого престола на небесах, и радости этой встречи не будет конца.

славу победителю Иисусу Христу и там встречусь с тобой и со всеми святыми, прошедшими тернистый путь Христа».

Но чтобы достичь этой цели, нужно пройти узким путем тюрем, пересылок, допросов, судов, долгих разлук... Да разве можно перечислить все, что встретится на нашем жизненном пути?! Но мои воспоминания будут неполными, если я упущу еще один эпизод из своего детства, очень важный, на мой взгляд.

Когда арестовали папу, то перед выходом из дома он предложил совершить семейную молитву. Я не помню

содержания ни своей молитвы, ни молитвы своих сестер и мамы, но помню, что папа говорил приблизительно так: «Господи, я очень люблю своих детей и жену. Для меня дорог семейный очаг. Но больше всего на свете я люблю Тебя, поэтому избрал тернистый узкий путь. Доверяю Тебе свою семью со всеми ее запросами и нуждами. Позволь, Господи, считать, что Ты берешь всю полноту ответственности за моих детей, за всю мою семью — на Себя. Я знаю, Владыка, что Ты всегда верен Своему обетованию, и когда закончатся мои скитания и я явлюсь к Твоему престолу, чтобы воздать Тебе славу,— увижу там и всю мою семью. Славлю Тебя за такое упование, которое Ты дал мне сегодня! Да будет имя Твое благословенно в этой разлуке!»

Дорогие мои дети, в тот день я особенно благодарил Господа за таких родителей, которые возлюбили Бога своего всем сердцем, всем разумием, всеми чувствами. Имею большое желание подробно порассуждать об этом с вами и надеюсь исполнить это в следующих письмах. А сейчас хочу рассказать, как прошел мой следующий день заключения, т. е. понедельник, 28 января 1980 г.

Я уже писал вам, что в камере я был один, но в других камерах за три дня народу набралось много. У дверей моей камеры в коридоре поставили передвижной столик, и сотрудник милиции, пожилой мужчина, стал вызывать по одному всех арестованных и брать отпечатки пальцев у каждого. Для меня процедура эта не нова, и я ждал своей очереди. Исполнитель этой формальности был человеком словоохотливым, любознательным, вернее, любопытным. У каждого он спрашивал за что тот задержан и — кому посочувствует, кого и пожури за плохой поступок. И делал он это не отвлекаясь от основной работы. Например, двум алкоголикам советовал: «Пить надо в меру, как я,— только по праздникам». Уклоняющегося платить алименты журил за неотцовские чувства, насильника укорял за разложение нравственности. Словом, всем

находил что сказать. Хулиганам одно, воров другое. Я увлекся, внимательно слушая все, что происходило у дверей моей камеры, и думал: «А что скажет этот человек мне, какие наставления выслушаю от него?»

Наконец, настала моя очередь. Открывается дверь моей камеры, и я выхожу в коридор. Мне прочитали постановление прокурора о задержании, в котором вкратце была изложена моя вина: нарушение законодательства о религиозных культах, ст. 142. Пожилой мужчина, который брал у всех отпечатки, посмотрел на меня с недоумением: «Я ничего не понимаю, за что же все-таки вас задержали?» Я коротко объяснил ему, что я христиан, проповедую Евангелие и рассказал ему о Иисусе Христе, о спасении души. Говорил минуты 2—3, меня никто не перебивал. Заканчивая, я спросил слушающих меня (а их было трое): «Вы когда-нибудь читали Святое Евангелие?» Вместо ответа пожилой мужчина спросил меня: «А кто вы по вероисповеданию?» Как только он узнал, что я баптист, в нем все переменялось. Стал кричать на меня, обвинять во всех смертных грехах. По его словам мы и детей в жертву приносим, и на богослужениях занимаемся развратом, и еще многое-много говорил и говорил.

Кое-как взял он у меня отпечатки пальцев, и я пошел в свою камеру. А он все никак не мог успокоиться и продолжал говорить со мной даже через закрытую дверь. Чего только я не слышал в обвинение! — Мы и предатели родины, и человеконенавистники, и американские агенты... Да стоит ли все перечислять? И относилось это не только ко мне, а скорее ко всем верующим. Вывод его был такой: «Если бы не вы, давно коммунизм был бы построен».

И думал я: откуда у него такая ненависть к верующим, такие жуткие обвинения? «Может быть,— рассуждал я,— он был лично знаком с людьми, которые называли себя христианами, но не были таковыми на деле и своим поведением дали повод злословить Церковь Христову?»

Озабоченный этим предположением,

Письмо четвертое

я спросил через дверь: приходилось ли ему встречаться с верующими, разговаривать с ними или, может быть, жить по соседству? К моему удивлению, оказалось, что он никогда не был знаком с верующими и в лице меня впервые встретил баптиста, а знает о нас «хорошо» по рассказам, много читал и в кино видел таких изуверов, как я.

Долго в тот день шел в коридоре разговор о разных небылицах, о нас! Но

Письмо пятое

Обидно мне было слушать незаслуженные обвинения на верующих. Тем более, что надуманными, нелепыми были эти обвинения, так как высказывал их человек, никогда доселе близко не знавший христиан. Все понаслышке! Но это не в первый раз встречается такое. Я часто вспоминаю 16 мая 1966 г.

Трудное это было время для Церкви Христовой. Повсеместно усиливались гонения на верующих в нашей стране. В чем это выражалось? — Верующим препятствовали проводить богослужения, налагали непомерно большие штрафы, открывали уголовные дела, арестовывали, лишали работы, исключали из учебных заведений. Интересно то, что эти действия начались одновременно по всей стране. Ясно было, что инструкция, как поступать с верующими, шла из центра, из Москвы. Поэтому верующие решили лично посетить ЦК КПСС по этому вопросу и, по возможности, встретиться с главой ЦК — Л. И. Брежневым.

Для этой цели 16 мая 1966 года приехали в Москву представители церкви евангельских христиан-баптистов, около 450 человек, и ровно в 10.00 собрались у главного подъезда ЦК КПСС.

Я не имею сейчас цели подробно описывать в этом письме те события, хотя знаю, как хочется вам знать все подробности. Скажу только: делегацию не приняли, хотя все стояли у ЦК на улице больше суток. На другой день, 17 мая, часам к четырем дня подогнали автобусы, силой погрузили

больше в разговор я с ними не вступал.

«Молитесь за обижающих вас», — сказал Христос. И мне очень захотелось в тот момент исполнить это повеление. Но как только в глазок он увидел меня на коленях, то разгневался еще больше. Как больно сердцу, что люди так обмануты и искалечены грехом и таких очень много! Да простит им Бог!

Господь с вами! В следующем письме я продолжу об этом.

всех просителей приема и увезли в Лефортовскую тюрьму. А там отсортировали: кого судили на 2 — 3 года, кому ограничили дать от 3 до 15 суток, а большинство — через 3 дня развезли по домам. Вот так и закончилось это паломничество.

Дорогие дети, вы спросите, а где же я был в эти ответственные дни? Вот об этом я и хочу поделиться.

19 мая Г. П. Винс и я были посланы братьями Совета церковей с ходатайством в приемную ЦК по поводу ареста нашей делегации. Принял нас зав. приемной ЦК КПСС — Сяларов. Великодушно выслушав наше заявление, подивившись несправедливым отношением действий местных властей, он предложил нам обратиться в Министерство Внутренних Дел. Позвонил туда при нас по телефону и заверил, что мы будем там приняты. Но как только мы вышли из приемной ЦК, нас сразу арестовали работники КГБ и увезли в ту же Лефортовскую тюрьму.

Но цель моего сегодняшнего письма рассказать вам не о первом моем аресте. 16—17 мая меня не было среди делегатов у дверей ЦК, я был в стороне и смотрел на все происходящее вместе с прохожими, которых в центре Москвы не так уж мало и которые, видя необычное явление, останавливались и спрашивали друг у друга: «Что бы это значило?» А перед их глазами у главного входа ЦК множество людей молились (колени прекло- ненной молитвой), пели религиозные

песни, потом их окружила милиция. Необычное зрелище! Люди, случайно оказавшиеся в это время там, собирались на Главном бульваре, напротив здания ЦК, и на тротуарах группами по 5—10 человек. И удивительно! Возле каждой такой группы всегда оказывался один «всезнающий» человек, который отвечал на любой вопрос проходящих. Как вы уже догадались, это были сотрудники милиции, а кое-где и лица, одетые в штатскую форму. Все они слегка приятно улыбались, разговаривая с любопытными, не торопясь входили в пространные объяснения и все время внимательно присматривались ко всем интересующимся. Я подходил к нескольким таким группам, желая слышать, что говорят о верующих.

Первая группа, у которой я остановился, состояла из 6—7 человек. Старшина милиции давал пояснения: «Это верующие баптисты. Они приехали с разных мест требовать свободы своим действиям. Но рассудите сами, может ли наше правительство разрешить аморальные действия, разлагающие общество?» Одна пожилая женщина спросила: «А какие это аморальные действия?» На это старшина как бы застенчиво улыбнулся и говорит: «Здесь есть молодежь. Так что не все можно говорить вслух». Мне стало стыдно от такой беззастенчивой лжи, и я подошел к другой группе, человек на 10. Мужчина, лет сорока, в штатской одежде, был здесь «гидом».

— Что хотят эти баптисты? Им не нравится наша система образования. Они не пускают своих детей в школы, запрещают читать книги и т. д. и т. п.

И к каким группам я ни подходил — везде слышалась одна и та же ложь. Ни единого слова правды! А стоило бы ответить на вопрос: почему верующие, и старые и молодые, мужчины и женщины, вынуждены были приехать из далеких мест и прийти к зданию ЦК? Почему их там арестовали? В этот день, 16 мая 1966 года, центральные органы своими «решительными» действиями против мирной делегации ве-

рующих лишили себя права ссылаться на «перегибы» на местах. А церковь Христова с помощью Божьей перенесла тот трудный период 1966 года и смело смотрит в будущее, зная, что Господь даст сил перенести и дальше все лишения, аресты и разлуки.

Хочу рассказать вам еще один пример из своей жизни.

Летом 1979 года я был на богослужении в г. Ростове. Узнав о моем присутствии, на место служения сразу прибыл наряд милиции. Нарушив богослужение, они арестовали меня и посадили на заднее сидение легковой машины «Волга», чтобы отвезти в отделение. Вокруг машины стояло много народа. В основном — соседи, которые, видя большое скопление милиции, пришли посмотреть что происходит. Они окружили машину, в которой я сидел, и некоторые женщины, те что посмелее, заглядывали в открытое окно машины и спрашивали, указывая на меня: «А что плохого сделал этот человек? Молчатся люди, никого не трогают, никому не мешают. За что вы его увозите?» Окна быстро закрыли, и вместо ответа руководитель этого разгона (забыл его фамилию, он сидел на переднем сидении) оборачивается ко мне и говорит: «Посмотрите сколько народу собралось! Если мы проведем с этим народом беседу, подробно расскажем всю правду о вас и чем вы занимаетесь, а потом вас пустим в толпу, то вас народ разорвет на части. (И, улыбаясь, добавил: «Если мы не защитим!»)

Я согласился с его доводами. По опыту я уже знал, насколько способны атеисты-пропагандисты самой невероятной ложью настроить народ, чтобы он дружно скандировал: «Распни, распни его!» Но благодарение Богу, еще не взят Дух Святой, удерживающий людей от полного растления! По милости Господа мы не исчезли! Слава Богу!

Дорогие дети, не смущайтесь, когда и ваше имя будут проносить как бесчестное. Радуйтесь и веселитесь в тот час, что за имя Иисуса Христа злословят вас. Это для нас большая честь.

(Продолжение следует)

Свидетельство о Господе — наша защита

Христос в беседе с учениками однажды сказал: «Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего...» (Иоан. 14, 7). Это слово встревожило ученика Христова — Филиппа, и он попросил: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас» (Иоан. 14, 8). Другими словами: все мы уже, Господи, знаем, все поняли. Осталось только увидеть Отца Небесного... Христос на это ответил: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? видевший Меня видел Отца...» (Иоан. 14, 9).

Как хочется, чтобы мы, сегодняшние ученики Христовы, также могли смело сказать людям, с которыми живем и общаемся: «Грешник, ты видишь меня?» — «Вижу». — «Так вот, видящий меня, видит Христа!»

Когда меня арестовали в четвертый раз за верность моему дорогому Господу, у меня было большое желание: везде, где бы ни пришлось быть, — свидетельствовать о Боге и жить так, чтобы во мне был виден Христос!

Согласитесь, проповедовать о Христе людям, содержащимся в жутких условиях, не так просто.

Краснодарская тюрьма. Камеры маленькие, тесные. На улице стоит жара 35 градусов, а в камере — еще выше. Дышать нечем. Закрыты даже «кормушки», через которые подают

пищу. И ни откуда нет ни малейшего притока воздуха! Мы задыхались, умывались потом. Постели нет никакой — голые нары, на которых вместо досок приварены узкие железные полосы. От пота они поржавели, краска с них сползла. Ляжешь на них и, мало того, что полосы впиваются в тело, весь покроешься ржавчиной. Начнешь ее снимать — и только размажешь грязь по всему телу.

Клопов ужасно много. Ночью бесполезно пытаться уснуть, они жалят и жалят.

Промаявшись без сна на ржавых нарах, я решил лечь под столом у двери, куда никто не ложился. Стол узкий, намертво вбетонирован в пол, под ним тесно, но, самое главное, клопов поменьше. Разостлал я свою одежонку и лег. Голова почти у двери, из-под которой в небольшую щель поступает воздух. Но как же быстро перебрались сюда клопы! Не успел я забыться сном, как они стали падать на меня прямо сверху. Какой тут сон? Заснул я только днем, когда стало светло и клопы от света попрятались.

Кормили нас прелой капустой. Картофель кончился, крупа — дефицит, как нам пояснили, а запасов нет.

Люди измучены жарой, клопами, грязные, голодные. Чтобы о чем-то

с ними поговорить, нужно выбирать момент. Когда они наговорились, все им надоело, я спросил: «Не желаете ли послушать о Боге?» Некоторые противились, а многие согласились. И тогда, сам уставший, я говорил им о Божьей любви. Слушают. Иные сердцем умиляются. Приходилось и петь много, также с удовольствием слушают.

Людей перебрасывают в другие камеры, и они там тоже рассказывают о том, что слышали от меня.

Не раз и меня переводили в другие камеры, и там говорили: «Слушай, это не о тебе ли говорили?» — «Может быть», — отвечаю. — Обо мне или обо мне — это не главное. Главное о Ком и о чем я рассказывал!»

— Ну, говорят, ты о Боге хорошо говорил и говорил такое, что еще никто никогда не слышал...

Я радовался и благодарил Бога, что в душах этих людей остался маленький след от моей проповеди. Кроме того, я испытал на себе: чем больше свидетельствуешь о Христе, тем больше сам укрепляешься духовно. Не по этой ли причине, подумал я, бывает в наших общинах такое бессилье, что еще мало исповедуют Христа?!

Однажды я сильно заболел и попросил перевести меня в одиночную камеру. Вначале я был рад одиночеству. Много молился, размышлял, пел, но потом холод дал о себе знать. Я с большим трудом согревался. Бегал по камере до изнеможения, так что спать не приходилось.

Перед праздником, как всегда, была общая проверка заключенных. Открыли и мою одиночку. «А ты почему здесь? Ты что, не можешь быть со всеми вместе? Ты, случайно, не из обиженных?» — «Нет», — ответил я. И меня перевели в общую камеру. За-

шел я туда — и посыпались расспросы. В каждой камере всегда есть главный из заключенных, более сильный и влиятельный. Он и спросил меня: «Ну, земляк, с какого этапа прибыл?»

— Я из спецкамеры.

— Понятно! За что ты там сидел?

(В спецкамерах обычно сидят люди, которые предали кого-то, т. е. «наседки»). Они отсиживаются в одиночках, прячась от заключенных, чтобы их не убили).

— Посадили и сидел, — ответил я.

— Ты, давай, прямее! За что? — угрожая настаивал главарь.

Смотрю, уже окружают меня заключенные, готовятся кулакам волю дать. — Ну, отвечай, сколько душ заложил?

— Я — христианин. Никого никогда не предавал. Я верю в Бога, и за это вот уже четвертый раз в этих местах нахожусь. А в одиночку сам попросился, потому что у меня был смертельный приступ. Я там пробыл 12 дней и немного отдохнул от табачного дыма.

Как только я сказал об этом, заключенные отошли от меня, а главарь спросил: «Ты знал Куницына?»

— Да.

— А я с ним сидел. — И главарь дал команду ребятам: «Этому человеку (и указал на меня) — найдите самое лучшее место».

Тут же одного молодого заключенного заставили с нижних нар перейти наверх. Я отказывался от предложенного места, но главарь властно заявил: «Ты должен и нас уважать». Возражать ему было бесполезно.

Такое доброжелательное отношение к верующим, как правило, можно встретить в любой тюрьме. Но стоит администрации лагеря или тюрьмы получить распоряжение от сотрудников

ДУХОВНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ В РОССИИ

(Из воспоминаний княгини Софьи Ливен)

Страдальцы за веру

Случай, о котором будет идти речь, передается свободно по книге И. В. Каргеля «От края до края земли». Как было упомянуто раньше, И. В. Каргель часто сопровождал д-ра Бедекера в его путешествиях по России, и в частности, по Сибири. Описанный ниже случай имел место в Красноярске, Енисейской губернии.

За несколько лет до этой поездки, — так начинается свой рассказ И. В. Каргель, — Кирпичников (о котором была речь в начале этой статьи), служащий в Нижегородской губернии, в имении Василия Александровича Пашкова, был арестован за веру и сослан в Минусинск, Енисейской губернии. Он поддерживал оживленную переписку с петербургскими верующими, и Василий Александрович, живя в изгнании в Париже, получил от нем неожиданные отрядные сведения.

Приехал в Париж один еврей, который на духовном собрании свидетельствовал о своем уверовании в Христа как личного Спасителя. Слушающие это свидетельство видели, что перед ними действительно чадо Божье. На вопрос где и как он уверовал, последовал такой рассказ:

«Год тому назад, приблизительно в это же время, совершал я путешествие с востока на запад Сибири. В одном месте, вблизи тракта (большая проезжая дорога),

КГБ, как все изменится в одну минуту. Заключенных специально настроят, пообещают им свободу или «химию», и они начинают издеваться, а нередко и зверски избивать верующих.

В этой камере, куда меня поместили, заключенных, видно, еще «не обработали», и я много с ними беседовал о Боге, рассказывал стихотворения. Даже учил петь. Находились очень способные, и мы пели вдвоем и втроем.

И все-таки свидетельство о Христе еще никогда никого не подводило. Мне приходилось даже нести наказание за это, но все равно это было во славу Божью и для моей радости. Когда мы не боимся говорить о Господе, то это свидетельство служит нам и пропуском, и защитой, и оправданием.

Меня везли через Волгоградскую тюрьму. Тюрьма большая, камеры расположены глубоко в земле между столбами-сводами, которые одновременно служат и фундаментом. Стены черные, шершавые, никогда никто их не белил. У дверей вместо туалета «параша», канализация не работает. Сначала, когда войдешь, в полумраке едва различишь человека по черным дырам глаз и по слабому блеску зубов. Лица у всех грязные, заросшие. Лежал-лежал я в такой камере и думаю: «Может, здесь помолчать?» А потом другая мысль: «Нет! Бог меня направил сюда не для молчания!» Все утихло, вроде бы уже не о чем им стало говорить, и тогда я спросил: «Я слышу, вы говорите, что между вами есть воры, есть алкоголики, анашисты (опиум курят). А вот скажите, есть ли среди вас христиане?»

Все затихли, молчат.

— А ты что, баптист? — спросил один.

— Да.

— Ты что, веришь в Бога?

— Конечно. Если бы не верил, то

неужели четвертый раз попал бы сюда ни за что? Ведь у меня семья большая. Хотите я вам расскажу, что такое Пасха?

— Ну, давай, давай, отец Григорий, рассказывай, послушаем.

И я с удовольствием рассказывал им о народе Израильском, о его жизни в Египте. Первого вечера как раз достаточно для этой интересной истории. Слушают с большим вниманием.

Во второй вечер говорил о Моисее, о выходе народа Божьего из Египта, о пасхальной ночи, о крови агнца, которой были помазаны косяки дверей, что служило знаком для спасения от смерти. Передавал им подробно события о распятии и смерти Христа. Такая стоит тишина, что вполголоса говорю — и все слышно. Слава Господу! Покаяний, конечно, не было. Да и невозможно почти этим душам раскатыться там. Если хоть один человек станет вести себя потише и чуть-чуть изменится, то на него обрушится столько испытаний, что он не в силах устоять. Бросают в карцер, избивают, запугивают новым сроком, перебрасывают срочно на этап и не дают задержаться вместе, чтобы хотя еще немного укрепить в вере приближающуюся к Богу душу.

Многие записывают адреса, чтобы, освободившись, найти в своих городах верующих. Я рассказывал им о том, что о Господе можно услышать и по радиоприемнику. В общем, как только мог сеял и сеял семена истины в дорогие души людские. А сам, проповедуя, укреплялся, ощущая на себе прилив духовных сил и благословений. И уже в который раз я убеждался, что с Христом хорошо везде! Куда бы ни увозили христиан за имя Господа, с Ним будет везде хорошо.

Г. В. КОСТЮЧЕНКО

Продолжение. Начало см. с №3, 1980 г.

Выслушав это, Василий Александрович разговорился с ним и узнал, что арестант, о котором он рассказывал, был наш брат во Христе Кирпичников. Меня же В. А. Пашков просил, если я попаду с д-ром Бедкером в Красноярск, непременно найти брата Кирпичникова и точно узнать обо всех его обстоятельстве в ссылке и о его семье.

Узнав об этом поручении, д-р Бедкер пожелал и сам принять в нем участие. Но когда мы приехали в Красноярск, где должны были встретиться с Дэвидсоном — представителем библейского общества, — оказалось, что он еще не прибыл. Д-р Бедкер решил остаться в Красноярске, желая навестить во время моего отсутствия несколько мест заключения. Все как будто складывалось хорошо. В Минусинск, где находился брат Кирпичников, пароход отходил на другой день, и должен был пробыть там сутки. Это казалось достаточным, чтобы мне увидеться с ссыльным братом и пробыть с ним хоть несколько часов. Если бы нужно было, то и он мог потом проехать со мной на пароходе до Красноярска.

Тут брат И. В. Каргель описывает красоту поездки по могучему Енисею и пишет дальше:

До сих пор все шло согласно нашим планам. Но пароход прибыл в Минусинск с опозданием на 13 часов, а отправиться в обратный путь должен был по расписанию, т. е. на следующее утро. А так как день уже склонялся к вечеру, то у меня оставалось всего одиннадцать часов времени, чтобы пробыть с Кирпичниковым.

Имевшийся при мне его адрес был таков — Средняя Сушь, близ Минусинска. На вопрос, как далеко до этого села, мне сказали, что около 50 верст. Дальше я узнал, что туда нет почтовой дороги и попасть в это село можно лишь на крестьянской подводе. Стало ясно, что ближайшим рейсом вернуться в Красноярск мне не удастся. Поэтому я занялся главной задачей. Скоро нашелся человек с парой хороших лошадей, согласившийся отвезти меня в Среднюю Сушь.

Повез меня 19-летний возница Григорий. С большим трудом удалось навести его на духовный разговор. Сначала ничего не знавший и ко всему духовному равнодушный, молодой человек стал понемногу интересоваться беседой, потом вдруг надолго за-

молк и, наконец, впал в сильную душевную тревогу; а еще позже ему стало ясно, что внутреннее волнение было «стуком» Спасителя в его сердце. Я подтвердил ему это, и он внезапно восторженно воскликнул: «Да, это Господь говорит к моему сердцу!»

Около 4 часов утра мы въехали в большое село Средняя Сушь, но не увидели там ни одной души, чтобы спросить о Кирпичникове. Лошади медленно шли вперед, пока мы через некоторое время не добрались до главной улицы села. Там мы увидели пожилого крестьянина, переходившего дорогу. На просьбу указать, где живет Кирпичников, он сказал, что, насколько знает, в селе такого человека нет. Я рассказал ему печальную историю Кирпичникова и как за веру в Бога он был сослан сюда. Письма адресовались тоже сюда, и он их получал и на них отвечал, и поэтому он должен был находиться здесь.

Старик стоял и думал. Вдруг, словно луч света блеснул в его глазах. «Так это, может быть, тот человек, — сказал он, — который хотел здесь детей учить? На сходе выбрали его учителем, да священник воспрепятствовал и принял меры, чтобы его удалить. Фамилии его я не знаю, так как все называли его по имени и отчеству».

«Будь добр, — обратился я к старику, — скажи, где теперь этот человек, которого батюшка так возненавидел? В селе ли он еще?» — «Нет, ему здесь после того не стало житья, и он переехал в Верхнюю Сушь; там живут тунгусы, и я слышал, что они выбрали его учителем» — «А сколько отсюда до Верхней Суши?» — спросил я. — «От нас туда сорок верст», — ответил старик.

Я хотел исполнить свое обещание и вернуть Григория в Минусинск. Но он взглянул на меня с глубокой печалью и сказал: «Барин, вы не можете от меня уйти, и я не могу вас оставить!» — Так как не удалось найти никого другого, кто согласился бы доставить меня в Верхнюю Сушь, то желание Григория исполнилось. Лошади отдохнули, и он поехал со мной дальше. Но еще неожиданнее было то, что старый крестьянин, с которым мы говорили и который пригласил нас к себе, пока лошади отдыхали, слушая нас, был сильно взволнован. Он оказался эстонцем, в юности слышавшим Слово Божье, знавшим, что зло и что добро; но не последовал добру. Тронутый те-

перь до слез, он исповедал все пред Богом (а потом и людьми), и когда ему был объяснен путь спасения во Христе, уверовал в Него как в своего личного Спасителя и Господа, отдав Ему свое сердце. Он молился на своем родном языке, просил Господа о прощении своей вины и получил прощение и мир в тот же час.

Вскоре мы отправились в путь, и в 5 часов дня добрались до Верхней Суши. У Григория были там друзья. Он остановил лошадей перед их домом, чтобы я мог узнать о Кирпичникове. Милые тунгусы очень оживились, когда я назвал его имя. Не было конца их похвалам брата Кирпичникова. Но можно представить себе мое разочарование, когда я узнал, что Кирпичникова в этом селе уже нет и что он живет в Минусинске. «Господи, — прозвучало во мне, — зачем же мне нужно было проехать 90 верст, а теперь столько же ехать назад, когда я мог повидать брата в тот же вечер как прибыл в Минусинск?» — «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, — услышал я в сердце ответ Господа. — Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших!» (Ис. 55, 8—9). Я понял, что вся эта долгая поездка, почти до самого Алтая, была нужна для спасения двух душ: Григория и старого крестьянина из Средней Суши. Как неисповедимы пути Господни!..

Я приехал в Минусинск в субботу 5 июля около 10 часов утра, — продолжает свой рассказ И. В. Каргель. — Мой новый возница знал квартиру Кирпичникова и повез меня прямо к нему. К сожалению, дома брата не было, и я застал только его жену с детьми. Сам же он был верстах в ста от Минусинска. Хотя мы никогда друг друга не видели, посещение мое доставило сестре огромную радость. С тех пор как четыре года назад их так внезапно оторвали от родного гнезда, они не имели общения с верующими. Жизнь их проходила в очень тяжелых условиях. Местные власти чинили им всякие препятствия, не давали возможности получить работу, так что они испытывали большую нужду. Только благодаря поддержке Василия Александровича Пашкова, они кое-как справлялись. Сестра Кирпичникова была очень огорчена, что муж оказался в отъезде и не мог повидаться со мной. Пред-

принять же еще одну поездку мне никак нельзя было. Я мог только передать сестре слова утешения и ободрения от Василия Александровича, а также и от себя лично, и прежде всего из Слова Божьего для брата в его тяжелых испытаниях.

Вся в слезах, сестра Кирпичникова рассказала, как пересылали ее мужа в кандалах, вместе с уголовными преступниками, из тюрьмы в тюрьму, и как он пешком прошел весь путь от Томска до Минусинска. Большим утешением для брата было отношение к нему ссыльных. Они его любили и уважали. Также и путь сестры с тремя маленькими детьми, большей частью на свой счет, был полон всяких трудностей. В Средней Суши их притесняли, и они вынуждены были переселиться в Верхнюю Сушь. Там они, правда, получили место учителя, но содержание было настолько ничтожным, что прожить было невозможно. Летом же, когда школа закрывалась, брат вообще ничего не получал. Он был хорошим столяром и надеялся найти работу в городе. Поэтому он обратился с соответствующей просьбой к начальнику Минусинского округа. Тот расспросил брата обо всем, также и о его вере, и отнесся к нему благосклонно. Он жалел, что по закону не мог разрешить ему жить в городе, и посоветовал сделать это на свой риск. Минусинская почта была осведомлена, и все письма, адресованные в Среднюю Сушь, передавались Кирпичниковым в Минусинске. Так я узнал, наконец, причину своих, на первый взгляд, ненужных страданий.

Подобные случаи, вероятно, имели место в жизни многих верующих, но мы, живущие в Петербурге, мало знали о том, что происходило в провинции. Я же в то время была еще слишком мала, чтобы разобратись в том, что совершалось. Позже, однако, когда мы стали подрастать, строгости уменьшились.

Мы всегда с большим интересом слушали «дедушку Бедкера», а также Ивана Вениаминовича Каргеля, когда они рассказывали о своих переживаниях и встречах с ссыльными на Кавказе или в Сибири. Эти ссыльные были, несомненно, «солью земли и светом мира» на нашей родине.

(Продолжение следует)

Стихи, стихи, стихи

Из стихов служителя-узника
Евгения Никифоровича ПУШКОВА

Из застенков тюрьмы на свободу
Улетай, поэтический стих,
И поведай святому народу,
Что мой голос еще не утих!
Хоть порою душа моя стонет,
Изнемогши в неравном бою,
Церковь Божья, стою я в проломе,
Сердцем гимны свободы пою!
Сторожей, кому в полночи трудно
На посту христианском стоять,
Ободрит пусть мой стих голосом трубным,
Чтобы дух их воспрянул опять.
Дорогие друзья, ободритесь,
С Богом свой обновите завет!
Спящий, встань, как разбуженный витязь,
Близок правды Христовой рассвет!

* * *

Музыка! Зачем в сиянье дня
Ты зовешь вернуться к жизни брэнной?
Бросят судьи вечером меня
За решетку камеры тюремной.
Не увижу больше я друзей,
Деток милых скроется улыбка.
Больше не коснусь рукой своей
Нежных струн твоих, царица-скрипка.
Только грустных песен мне не пой,
Я с Христом! Он — жизни всей основа.
Меня вызвало неверие в бой,
В руки меч беру я — Божье Слово.
Музыка! К людским сердцам ключи
В юности с тобой мы находили.
Но сейчас, родная, помолчи:
Атеизм — не время для идиллий.
Я, наверное, прощусь с тобой,
Слишком уж грохочет канонада...
Вот уже за мной идет конвой...
Не рыдай, о музыка, не надо!
Мы с тобой сроднились с детских лет,
Нам неверье не дает жить дружно.
Вот теперь наш рушится завет,
Но, прошу тебя, грустить не нужно.
Музыка! Лети в тот чудный край,
Где со злом навеки смолкнет сеча.
Должен я сказать тебе: «Прощай!»,
А вернее: «До небесной встречи!»

Отступившему брату

Притаились тюремные тени,
Спят все узники, скорбь позабыв,
Я на нарах встаю на колени,
Не сдержавши сердечный порыв.
О тебе в эти длинные ночи
Я молюсь много раз уж подряд,
Потому что люблю тебя очень,
Путь страданий оставивший брат.
Обладая природным смиреньем
И познав христианства всю суть,
Рано избран ты был на служенье,
Смог к гонимому братству примкнуть.

В поученьях ты мудр и пространен,
Очень выдержан, вежлив, умен;
Наделенный обильно дарами,
Ты являл совершенство во всем.

Подавал за страдающих голос,
Семьям узников ты помогал,
Богом был сохранен, даже волос
С головы у тебя не упал!

Но одна есть бесценная ценность!
Чтоб ее непременно иметь —
Сохранить нужно Господу верность,
Если даже в глаза смотрит смерть.

Часто — только сырая темница
Вдруг решеткой железной пугнет,—
И готов уже кто-то сломиться,
Не желая нести тяжкий гнет.

Пострадать мы должны непременно,
Но тюрьма не страшна со Христом,
Страшно то, если слово «измена»
Относиться к нам будет потом.

Не могу я быть, брат, лицемером,
Совесть трудно свою обмануть.
Ты для многих был ярким примером,
Но оставив страдания путь,

Задал трудную многим задачу,
Слабых в вере ты, брат мой, смутил.
Я тебя не сужу, только плачу
И молюсь. Бог чтоб дал тебе сил

Возвратиться в гонимое братство,
В этот созданный Богом союз...
Страх пред миром — позорное рабство,
Нам свободу дает Иисус.

Оцени же свое первородство,
С атеизмом порви компромисс,
А иначе потеряешь банкротство.
О подумай, мой брат, и вернись!

Не зря

Нет, не зря идут страдальцы в узы,
Смысл в страданиях, безусловно, есть:
Души стонут под греховным грузом,
Кто им понесет спасенья весть?

Трудно вестникам: неравна битва,
Но плоды страданий — налицо,
Глубже скорбь — сердечнее молитва,
Пламенной общине с Творцом.

Ободрившись узами страдальцев,
Юность христианская встает,
Меч духовный крепко сжали пальцы.
Молодежь Христа, за Ним вперед!

Огонек любви горит, не гаснет,
Превратиться в пламя должен он.
Пусть же вспыхнет заревом гигантским
Темный от неверья небосклон!

Испытанье в пламени горнила
Правды вестники проходят вновь,
Чтобы кровь в их жилах не остыла,
Чтобы пламенела их любовь.

Солнце Правды! Ты желанно всеми,
Но предшествует рождению стон.
Кровь страдальцев — это Церкви семя,
Так гласит проверенный закон.

Братья, сестры, знамя правды — выше,
Весть спасенья понесем в народ!
Вот уже шаги Господни слышны,
Иисус Спаситель к нам грядет.

Призыв

Зазвучи, стих, подобно набату!
Христиане, проснитесь скорей!
Помогите скорбящему брату,
В устах братья Совета церквей!

Камень веры — вот церкви основа,
Претерпеть нужно много скорбей,
Чтоб Рахиль не заплакала снова,
Если в церкви не будет детей.

Мера верности — скорби и узы.
Христиане, пусть только Христос
Будет символом ваших союзов,
А не жизни греховный вопрос.

Церковь — тело Христа и невеста,
Он — единый Глава — вот секрет,
С ней вступил Он в союз самый тесный,
Миру грешному места там нет!

Тело боль ощущает все время.
Кто член Церкви Христа, тот готов
Понести брата-узника бремя,
Так закон исполняют Христов.

Если в теле болезнь приключится
Или вдруг постигает беда,
Нервы все встрепенутся, как птица,
Крик о помощи слышен тогда.

Христиане, о, если вы живы,
То возвысьте за страждущих глас,
Поддержите святые порывы,
Чтоб священный огонь не погас!

Если ж страх пред суровым гоненьем
Вам постыдно закроет уста,
То придет все равно избавленье,
Но погибнете вы без Христа.

Встаньте, спящие, время настало!
Все сплетитесь в единый венец!
Иисус — наша цель, наша слава;
Бог Творец — наш единый Отец,

Не страшат пусть вас страждущих стоны.
Благо тем, кто за правду гоним!
Братья, встанем же смело в проломе.
Церковь Божью врагу не сдадим!

МОСКВА
Отпечатано в типографии издательства «Христианин».
Распространяется безвозмездно.